

АННА ШНАЙДЕР

МАРК ШНАЙДЕР

ЗАКОН
БУМЕРАНГА

Анна Шнайдер

Закон бумеранга

<https://litres.ru/74204617>

Аннотация

В течение семи лет Сашка изменял жене. А потом Марина обо всём узнала. Она осталась с ним из-за беременности, но не простила. А теперь уже у Марины есть любовник... Как тебе такой бумеранг, Сашка? Нравится?

История Сашки и Марины из романа "Если ты простишь".
Бонус про Нику - "Безответно".

ВНИМАНИЕ: герои будут бесить. Даже не знаю, кто больше. Ругать их можно, но на личности других читателей или автора переходить нельзя.

Местами будут попадаться матерные слова))

Очень эмоционально и нервно, запасаемся валерьянкой, платочками, гнилыми помидорами и сковородками)

Содержание

Пролог	5
1	9
2	14
3	20
4	24
5	28
6	32
7	36
8	40
9	45
10	49
11	52
12	56
13	60
14	64
15	66
16	70
17	75
18	79
19	81
20	85
21	88
22	92

23	96
24	99
25	103
26	107
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Пролог

Я всегда считал, что супружеская верность — самая несусветная чушь на свете. Я не видел в ней никакого смысла, кроме искреннего мазохизма и издевательства над собственной природой. Мы и так жертвуем огромной частью своей свободы, заключая брак с одной-единственной женщиной, а когда появляется ребёнок, значение слова «свобода» и вовсе почти забывается. И если уж выбирать между колоссальным напряжением, которое наверняка выльется в семейные скандалы, и возможностью сбросить это самое напряжение — выбор очевиден, разве не так? А женщины делают из этого какую-то грёбаную трагедию. Предательство, подлость, нож в спину... Да, много эпитетов и сравнений я в своё время слышал от Марины, не понимая, зачем настолько драматизировать. Неужели было бы лучше, если бы я, не имея возможности спустить пар на стороне, нёс плохое настроение в семью и срывался на Марине? Всё-таки женщины порой удивляют своей странной логикой.

Да, так я думал всегда, и мне казалось, что ничто на свете не способно изменить моё мнение, крепкое и сложившееся ещё во времена безбашенной юности. Я начал «ходить налево» уже в первый год брака, когда столкнулся на работе с неожиданными трудностями, а среди сотрудниц на переговорах оказалась женщина, которая активно делала мне

намёки и строила глазки. Сейчас, если честно, я уже толком не помню ни её лица, ни фигуры, ни даже имени. Она была иностранкой, точнее, француженкой, и её акцент, эмоциональное дрожание голоса и откровенное грассирование — всё меня возбуждало.

И я ни капли не сомневался. Знал и видел, что эту француженку интересует только один приятный вечер — на ночь из-за моей женатости она изначально не рассчитывала. И я подарил ей этот вечер. И, нет, никакая совесть меня не мучила. А почему она должна была меня мучить? Я по-прежнему любил Марину. Ну да, занялся сексом с другой женщиной — и что? Никто же не обижается, когда ешь с почти незнакомым человеком в ресторане за одним столиком. А это почти то же самое — по уровню эмоциональной наполненности так точно. Поел, получил удовольствие, ушёл. Ни минуты о партнёрше больше не думаешь, что есть она, что нет — безразлично. На что тут обижаться? Из-за чего испытывать угрызения совести?

Совсем не из-за чего.

Дальше я продолжал в том же духе. Нет, специально я никого не искал, да мне и не надо было — все женщины, жаждущие недолгосрочных переписихонов, попадались на моём пути сами, без специальных поисков. То на работе коллега была не прочь развлечься, то в фитнес-клубе соседка по снаряду стреляла в меня глазками, то на переговорах с партнёрами что-то успешно нарисовывалось. И всё было отлич-

но: дома любящая жена, маленькая дочка и в целом жизнь — полная чаша, а внебрачные связи — это так, ерунда, чтобы отвлечься и лишний раз не психовать. И я искренне считал, что наши с Мариной отношения, полные гармонии и увлечённости друг другом, частично построены и на моих адюльтерах. Весь негатив и агрессию я дарил ненужным женщинам, а своей нёс только нежность и покладистость.

Но на седьмом году нашего брака Марина обо всём узнала. Обозвала меня козлом, предателем, убийцей... Я возражал, разумеется. И очень активно возражал. Цветы ей носил каждый день корзинами, украшения дарил, взял отпуск и поехал с ней на море. Винился, клялся и божился, что больше ни за что и никогда. Я тогда действительно очень испугался, потому что Марина всерьёз намеревалась уйти, от всех моих стараний поджимала губы — и только. Ничего её не брало, она как заведённая повторяла — развод, и всё тут. И словно не слышала меня, когда я всё ей объяснял, говорил, что одну её люблю, а это так, просто секс и ничего больше.

Мне повезло. В один вечер, когда мы отдыхали на море, я умудрился заболтать жену, напоить и... Да, она допустила меня до тела. С утра на следующий день смотрела волком, зубы сжимала, а я готов был в церковь бежать и молиться, чтобы получилось. Я всегда замечал, когда у Марины цикл, поэтому точно знал, что должен был попасть прям в середину...

И попал ведь! Она забеременела. И разговоры о разводе

сошли на нет. Марина сказала, что аборт сделать не сможет, но воспитывать одной двоих детей для неё тоже не вариант, поэтому она останется со мной. Я даже внимания не обратил на эту формулировку — посчитал, что жена сообщила, будто всё по-прежнему, и с нашей семьёй всё в порядке.

Но ни хрена не в порядке.

Иначе я не сидел бы сейчас в машине и, как последний дурак, не наблюдал бы за Мариной и её любовником.

Саша

Мой отец, серьёзный вроде бы человек, владелец крупной строительной фирмы, всю жизнь курит от матери тайком. Хотя бы раз в неделю, но смолит где-нибудь подальше от дома — чтобы, с одной стороны, и не воняло от него, и на здоровье не сильно влияло, а с другой — потешить свою тоску по этой дурной привычке, от которой он не сумел отделаться даже больше чем за сорок лет брака. Похожим образом я всегда относился к женщинам, с которыми изменял Марине, — они для меня были всё равно что сигареты для отца. Аккуратно покурить, чтобы жена не узнала, — это можно, но какой человек в здравом уме и трезвой памяти согласится променять супругу на пачку сигарет?

Поскольку мы с отцом часто ездили вместе на переговоры, он всегда хранил одну такую пачку у меня в бардачке. По несчастливой случайности сейчас она оказалась почти полной, и теперь я выкуривал одну сигарету за другой, глядя на Марину, которая сидела за столиком в дешёвой кафешке и улыбалась какому-то мужику. Внешность этого романтического *хероя* проходила мимо меня — перед глазами стояла пелена ярости, и я ничего не видел, кроме своей жены. Разодетой и накрашенной, блядь, жены, довольной, как сы-

тая кошка!

Зарычав, я затушил сигарету о собственную руку — естественно, обжёг кожу, но боль отрезвила и заставила начать соображать, а не тупо сидеть и злиться.

Как мы с Мариной докатились до такого треша? Когда это вообще всё началось?

Малодушно хотелось сказать, что начало было положено несколько месяцев назад, когда Марина рассказала мне о своём любовнике. Понятия не имею, об этом или о каком-то другом, — я следил за женой впервые. Может, она уже успела поменять партнёра, кто знает? Точно не я, я вообще уже ничего не знаю и ни хрена не понимаю.

Нет, было бы слишком глупо и по-детски предполагать, что всё началось только тогда. Гораздо раньше, конечно. И когда? Четыре года назад, когда я сделал всё, чтобы Марина забеременела и не подала на развод из-за ребёнка? Тоже не то. Да и вообще — у меня разве был какой-то другой выход? Не мог же я развестись с женой, в самом деле! Зачем мне разводиться, если мне не нужна другая женщина в качестве супруги? Секс сексом, но никто не женится на проститутке после проведённой ночи. Да я, блин, не помнил практически ни одного имени тех своих девок. Может, если бы я продолжал ту же политику, что и раньше, что-то и помнил бы — но у меня уже четыре года не водилось никаких любовниц. Не считать же любовницами порноактрис? Вот порнухой я баловался, да, грешен. А что делать, если мы с Мариной за-

нимались сексом в последний раз... Чёрт, а когда?

Сейчас весна, начало марта. Через неделю — восьмое число, а у меня до сих пор ни подарков, ни понимания, что делать. Полный ноль, дыра от бублика.

В этом году мы с Маринкой точно не трахались. И в декабре тоже, и в ноябре вроде. В октябре у неё был день рождения, она выпила... Да, вот тогда она мне и дала. Марина вообще последние годы занималась со мной сексом в основном только в не слишком трезвом виде. Весьма страстно и зло, кстати. Мне потом приходилось даже спину йодом смазывать — было впечатление, что я подрался с диким животным.

Значит, в октябре. Почти полгода. Да, Саш, у тебя не жизнь, а полная хуйня.

Неожиданно Марина за столиком зашевелилась, вставая, и я тоже встрепенулся. И что, мне сидеть и смотреть, как она со своим хером трахаться идёт? Наверняка поедут куда-нибудь, она ведь меня попросила на весь день с девчонками остаться. Я же на маму свои обязанности перекинул, а сам решил проследить за Маринкой. Пару дней как решил, даже следилку на её телефон поставил, чтобы видеть, где она. И постоянно проверял, если её не было дома, где шляется моя жена. Но ничего подозрительного до сегодняшнего дня не было — Марина ходила в магазин или на работу, и всё. Только сегодня вот пошла в кафе, и я отправился за ней, как последний Отелло.

В том, что чувствовал я именно ревность, я не сомневался — а что же ещё? Хотя и не только ревность. В целом, мне кажется, мной ни разу в жизни не владел подобный коктейль разнообразных эмоций, причём ревность была самой банальной. Ещё я хотел напиться, побиться головой о что-нибудь тяжёлое, прибить Маринкиного хероя и сдохнуть самому. И всё это — одновременно. Но сильнее всего, даже желания убить этого мужика, была моя обида. Такая бесконечная и болезненная, почти детская — когда ты старался-старался, учил уроки, делал домашние задания, пошёл в школу в новых брючках и белой рубашечке, и прямо возле крыльца на неё птичка накакала. И грош теперь цена твоим стараниям, потому что все одноклассники до самой смерти будут помнить, что Сашка Яковлев пришёл на экзамен в обосранном костюмчике. Оценки они твои забудут, а вот про костюмчик — ни за что.

Вот и Марина делала то же самое последние четыре года. Она ни хера не замечала моих стараний, ей было откровенно чихать, что я из кожи вон лез по всем вопросам, что я ни разу за всё это время другую бабу даже за задницу не пощупал! Она помнила только мой обосранный костюмчик из прошлого. Я его уже выстирал, отгладил, сам помылся миллион раз, туалетной водой побрызгался — но Марина всё равно мной до сих пор брезговала, как будто я по-прежнему воняю дерьмом.

Да, это было обидно. Но я как-то смирился с её пренебре-

жением, надеялся, что со временем всё забудется. Прошёл год, два, три... четыре. И на тебе, пожалуйста, — появился этот херой. Который к тому же... Впрочем, об этом лучше вообще не вспоминать, иначе я точно сегодня кого-нибудь убью.

Заметив, что Маринка и её хахаль, оживлённо разговаривая, вышли из кафе, я выбрался из машины и пошёл им навстречу, стиснув зубы и сжимая кулаки.

Сашика

Первым меня заметил мужик. Видимо, сработал инстинкт самосохранения — когда на тебя целенаправленно идёт другой мужик со свирепой рожей, трудно не почувствовать чужую агрессию. Вот он и увидел меня, тут же схватил Марину под локоть и остановился, что-то у неё спрашивая. Думаю, нечто вроде: «Ты знаешь этого придурка?»

Марина повернула голову в мою сторону, и её глаза удивлённо расширились, а с губ тут же пропала беззаботная улыбка. Беззаботная, мать её! Марина не улыбалась мне так четыре года. Равнодушно, вежливо, язвительно — бывало. Но не беззаботно, как когда-то давно, когда ещё не знала о моих изменах.

И осознавать это было блядски неприятно.

А ещё Маринка была красивой. Точнее, не так — она в принципе красивая, стройная, в меру высокая, с хорошей фигурой, короткими тёмными волосами — уже много лет Марина ходит с аккуратным и стильным каре — и такими же тёмными глазами. Я всегда сравнивал оттенок её глаз с цветом растопленного шоколада. Раньше, когда она с теплотой смотрела на меня, я даже словно чувствовал сладость во рту.

Но это раньше. Не сейчас, разумеется.

Сейчас во рту у меня была кислая горечь, словно я долго жевал лимонные корки. Кажется, даже изжога начиналась.

Да, Марина всегда была красивой, но сегодня она явно специально навела красоту и была нарочито красивой — с макияжем и укладкой, в светло-кремовом пальто — видимо, новом, потому что я его никогда не видел, — и даже с маникюром. Мне всегда было смешно, что Марина, последние годы работая маникюрщицей в крутом салоне красоты, так и не полюбила делать маникюр себе. Она всегда ходила с коротко стриженными ногтями, ещё и поэтому я удивлялся, когда она умудрялась ими расцарапать мне спину до крови. Сколько же ярости надо испытывать?

— Саша? — тихо спросила Марина, и её негромкий — почти скромный! — голос взбесил меня окончательно и бесповоротно.

— Привет, — процедил я, злобно зыркнув на спутника своей жены. Мне показалось, что он моложе нас с Маринкой лет на десять. Гладко выбритый, голубоглазый, с длинноватыми каштановыми волосами. У меня-то на голове уже много лет был армейский ёжик — а этот, гляди ты, какой волосатый. Почти как девочка, и лицо такое же сладенькое, хоть кремом мажь. — Я думаю, на сегодня тебе хватит. Пойдём.

— Никуда я с тобой не пойду, — помотала головой Марина и поджала идеально покрашенные губы. Значит, вот этот красавчик-слюнтяй теперь целует их вместо меня, да? И мигнет она ему делает этими губами, наверное. Меня-то Мари-

на давно не целовала, даже во время редкого секса. Сама — никогда. А когда я тянулся к ней за поцелуем, всегда отворачивалась. — Я же сказала вчера, что мне нужно время до вечера. Ещё день. Возвращайся к детям. С кем ты их оставил, кстати?

— С бабушкой, — рявкнул я и на мгновение сжал зубы. Как же бесит это всё! Я ещё и уговаривать её, что ли, должен?! Я собственную жену, с которой прожил в браке больше одиннадцати лет — скоро двенадцать, годовщина, между прочим! — и до этого ещё год с ней встречался, с любовником застал, а она мне: «Никуда я с тобой не пойду». Марина-то моих девок не видела, а я почему должен на её хероя любоваться?! — Перестань, а? По-моему, сейчас нет смысла препираться.

— Очень даже есть смысл, — возразила Марина возмущённо. — Я рассчитывала на приятное продолжение, а не на ругань с тобой. Езжай, куда ехал.

— А я за тобой ехал. И никуда без тебя не поеду. Выбирай — либо ты добровольно со мной в машину сядешь, либо я сам тебя затащу, только перед этим пропишу твоему красавчику пару оплеух.

Марина знала, что дрался я всегда хорошо — с детства занимался борьбой, да и в армии два года от звонка до звонка отмотал. Отец у нас с братом всегда считал, что мальчишки должны служить и отмазывать никого не собирался.

Фигура у Маринкиного хероя была ничего — вроде бы

не жирдяй, вполне себе стройный парень. Но что-то в его взгляде подсказывало мне, что драться он не мастер.

— Ладно, Мариш, — усмехнулся он, не дожидаясь, когда Марина, в этот момент явно набравшая воздуха в грудь, чтобы хорошенько на меня заорать, разразится громом. — Я думаю, он не стоит твоих нервов. Иди с ним, а я тебе вечером напишу, передоговоримся.

Марина тут же сдулась, как воздушный шарик, из которого выпустили воздух, и покосилась на своего любовничка.

— Ты уверен?

— Более чем.

— Не хочет быть побит и вывален в грязи, как бездомная собака, — съязвил я и был награждён презрительно-насмешливым взглядом.

— Много ты понимаешь, кобель, — ответили мне, и тут уже не выдержал бы даже святой, а я пока без нимба. Поэтому я, сжав кулак, заехал Маринкиному хахалю в челюсть с размаху.

Точнее, попытался заехать. Парень оказался не промах, перехватил мой кулак, потянул его вниз вместе с корпусом, заставив меня наклониться, а потом заехал ногой мне в грудь, отталкивая с такой силой, что я грохнулся задницей на асфальт. И всё это настолько быстро и с такой ловкостью, что я даже ничего не понял. А главное — никаких травм, только грязь на груди и жопе от удара.

От этого было даже обиднее. Лучше бы он мне череп про-

ломил.

— До связи, Марин, — услышал я его весёлый голос, а потом отдаляющиеся шаги. Поднял голову, посмотрел на Марину — и едва не выругался, увидев, с каким презрением она смотрит на меня в ответ.

Как на дохлую псину.

— Он тренер по самбо, чтоб ты знал, — произнесла она с гордостью и фыркнула. — Мастер спорта, а не самоучка, как ты. Вставай и пошли. Или ты копчик себе отшиб?

— Ничего я не отшиб, — парировал я со злостью и резко поднялся. Невольно схватился за спину — нет, всё-таки отшиб... Давно не тренировался, расслабился, зажировал. Пора исправляться. — Поехали.

— Угу, — буркнула Марина, и только в этот момент я заметил, что она держит на сгибе локтя букет оранжевых тюльпанов. Её любимых, между прочим.

Значит, он уже знает, какие у неё любимые цветы. И что я — кобель, он тоже в курсе.

Да, Виктор* наверняка поржал бы над этой ситуацией... (*Виктор — один из героев книги «Если ты простишь».) А потом обязательно сказал бы, что более всего по нам ударяют бумеранги.

Теперь я знал, что это действительно так.

*

Дорогие читатели, обновить свои воспоминания о героях этой книги можно, заглянув в кусочки номер 19 и 67 романа

'Если ты простишь'

Саша

Как только мы сели в машину, Марина сразу попыталась включить радио. Она всегда так делала, когда не хотела разговаривать, эту её привычку я хорошо знал. Бац музыку на полную мощность — и ничего не слышу, не вижу, не трогайте меня.

Но этот номер провернуть я не дал.

— Никакого радио, — сказал я, стоило Марине потянуться к кнопкам на панели. — Поговорить надо.

Она уместила до тошноты бесящие меня цветочки на своих стройных коленках, показательно вздохнула, пожала плечами и выдала:

— Ну давай, бухти мне.

Хотелось заорать. Во весь голос — так, чтобы распугать голубей, которые сидели прямо перед нашей машиной, посреди дороги, и что-то клевали. Тупые птицы, терпеть их не могу, вечно под колёса лезут. Задавишь одну такую — и настроение на весь день испорчено.

Я исподлобья зыркнул на Марину, всю из себя такую невозмутимо-насмешливую, и решил, что мне надо немного успокоиться. Иначе я и правда заору, а этого лучше избегать.

За последние несколько месяцев мы с Мариной ни ра-

зу так и не поговорили нормально, по-человечески, чтобы без крика и взаимных претензий. Только если о чём-то нейтральном — Дашкины сопли, которые она приносила из детского сада, покупка новой новогодней ёлки, потому что старая развалилась, день рождения Вики, нашей старшей дочери — ей в феврале исполнилось десять, — сломанный смеситель в ванной... В общем, обычные семейные дела, которые практически не требуют эмоциональной вовлечённости. Марина умела быть нейтрально-равнодушной, это я давно знал, но по-настоящему подобное умение раскрылось в ней только за последние четыре года.

Именно последние четыре года я ощущал себя не человеком, а тараканом.

— Позже, — буркнул я и начал аккуратно выезжать с парковочного места, стараясь не раздавить ни одного голубя. Кто бы знал, как я ненавижу этих крылатых тварей, которые вечно сидят на дорогах и вылетают из-под колёс в последний момент!

Марина молча следила за тем, как я выбираюсь из этой голубиной сходимости, и, когда мы наконец миновали птиц, не повредив вроде бы ни одну, вздохнула с облегчением. А мне неожиданно захотелось нервно заржать и побиться головой об руль.

Блядь, у меня в жизни происходит хрен знает что, брак рушится, у жены любовник, а может, и не один, а меня волнует, задавлю я голубя или нет?! И Маринку, судя по этому

облегчённому вздоху, тоже. Хотя с ней всё понятно как раз, для неё любая божья тварь имеет большую ценность, чем я, мерзкий таракан, кобель и козёл. Именно так она меня и называла четыре года назад. С тех пор не повторяла, но все эти слова я регулярно видел в её взгляде.

— Слушай, Марин, — глухо произнёс я минут через пять, когда понял, что орать больше не хочется. Наоборот — мной завладела какая-то жуткая апатия. — Мы так и будем жить теперь?

— Так — это как? — поинтересовалась она равнодушно. Ещё и зевнула. Да-да, дорогая, я отлично знаю, что тебе со мной скучно.

— Вот так, — с нажимом сказал я. — Как чужие, блядь, люди. Ты в субботу упёрлась на потрахушки, со мной разговариваешь только по крайней необходимости. Это долго будет продолжаться?

— Ну, ты же сам так жил много лет, — пожала плечами жена. — И тебя всё...

— Да не жил я так! — заорал я, тараща глаза, и всё-таки треснул кулаком по рулю. Попал, естественно, в гудок — по закону подлости. Маринка вздрогнула, и налёт равнодушия с неё сразу слетел.

— Не ори! — рывкнула она сама командирским тоном и, прищурившись, сыронизировала: — Скажи спасибо, что я вообще с тобой разговариваю. Мы уже обсуждали этот момент, Саша. Да, так я и собираюсь жить, пока девчонки не

вырастут, тогда я смогу от тебя свалить. Сейчас им слишком сильно нужен папа, я не собираюсь их его лишать. А ты можешь продолжать жить, как и жил, я тебя ни в чём не ограничиваю.

— У меня нет никого уже четыре года. — Мне показалось, что я сказал это с максимальной откровенностью, практически с открытым до мяса сердцем, но Маринка только фыркнула:

— Ага, так я тебе и поверила.

Саша

Я не знал, что сказать. Вот вообще.

И мои навыки ведения переговоров вновь оказались бесполезны. Когда дело касается Марины, всё, чему я учился и в институте, и по жизни, превращается в тлен. И, несмотря на то, что я понимаю, откуда растут ноги у подобного ступора, сделать с ним ничего не могу.

Когда ты с кем-то о чём-то договариваешься, главная причина, почему у тебя может не получиться достичь нужного результата, — это твой страх. Страх, что ничего не выйдет, что ты попадёшь впросак, что-нибудь забудешь, скажешь не то — короче, сядешь в лужу. Конечно, когда живот от этого всего крутит и приходит жёсткий понос, не до переговоров.

Я уже начинал чувствовать, как у меня сводит кишки. Опять Маринке всё не так и ничему она не верит! Я уже чуть было не заявил ей, что готов хоть пояс верности носить и чтобы ключ от него только у неё лежал, когда жена продолжила:

— Врёшь ты всё. Я сама видела твою переписку с какой-то девкой в «Телеграме». Она тебе ссылку кинула на альбом со своими фотками, и ты, видимо, всё просмотрел — написал ей, что она огонь и очень секси.

На ближайшем к нам светофоре загорелся красный, и я, отвлёкшись на Маринкины слова, едва не врезался в тачку впереди. Всё же успел затормозить и, когда машина остановилась, повернулся к жене и переспросил, глядя ей в глаза:

— Какие фотки, какой альбом? Я не помню этого даже!

Марина смотрела на меня, и теперь в её взгляде не было равнодушия — там плескалась огромная обида. Но хрен мне стало от этого легче!

Я теперь не знаю, что хуже — равнодушие или такая большая обида размером с чёрную дыру. И точно так же, как и любая чёрная дыра, она без пощады поглощает любой свет и позитив. Что бы я ни делал, Маринка теперь всё видела исключительно в чёрном цвете.

— Обычные фотки, — съязвила жена, и её глаза, к моему полнейшему ужасу, наполнились слезами. — Такие фотки любовницы посылают своим мужикам. В купальнике.

Я просто моргал, глядя на Марину как баран на новые ворота.

Но я и правда баран, наверное. Потому что я ни хуя не помнил.

Чистый лист, твою мать.

— Марин, я вообще не понимаю, о чём ты говоришь, — выдал я гениальное оправдание, залез в нагрудный карман куртки и вытащил свой мобильник. Отдал его жене. — На, держи. Пароль тот же, ты его знаешь. Найди мне эту хрень, потому что я не врубаюсь, о чём речь. Я тебе чем угодно могу

покаяться, что у меня четыре года никого не было. Только ты.

Маринка презрительно фыркнула, вновь ни капли мне не поверив, разблокировала телефон, ковырялась в нём минут пять и, когда мы стояли на следующем светофоре, протянула мне трубу обратно.

— Вот, любуйся. Контакт называется «Милка». Отличное прозвище для твоей мокрощёлки, но мог бы...

— Бля-я-ядь, — выдохнул я, посмотрев на экран, и внезапно всё вспомнил. Вот я дебил! Конкретный придурок. Слов нет, твою мать! — Марина-а-а, какое, к чёрту, прозвище? Это имя! Ты не помнишь её, что ли? Мила Милованова она, одноклассница моя, ты её много раз видела, я тебе сам фотки показывал. Я с ней в школе за одной партой сидел лет пять! Она много лет замужем, родила двоих мальчишек и после этого разжирела почти на полцентнера, никак похудеть не могла. И этот альбомчик с фотками она присылала, скорее всего, всем, кому хотела похвастаться результатами похудения. Она ради него бариатрическую операцию делала, прикинь?

Марина молчала, растерянно рассматривая телефон, где красовалась наша с Милкой редкая переписка. Полистала туда-сюда, посмотрела аватарку... и выдохнула:

— Точно, Милованова, я вспомнила. Она же риелтор, да? Ты с ней по работе ещё общаешься, консультируешь по новостройкам. Как это я сразу не поняла...

Ой, я бы сказал как, но не буду. Потому что тогда Марина наверняка разозлится. А я и сам не знал, что по этому поводу думаю и чувствую, кроме раздражения и усталости.

Видимо, Марина приревновала. И любовника себе завела, может, из-за этого как раз? Разозлилась и решила тоже оторваться, если я, такой гад, слово не держу — я ведь обещал ей больше не изменять.

Я всё это понимал. Но меня не радовала её ревность, потому что подобным образом, чёрт возьми, можно до многого дойти. Марина и так регулярно проверяла мой телефон, и я об этом знал. Она была в курсе всех моих паролей, могла зайти куда угодно — на почту, в мессенджер, социальные сети, банковские приложения. Но причину для ревности можно в любой момент найти где угодно. Вон как с Милкой получилось. Хотя я тоже дурак — надо было удалить ссылку на этот грёбанный альбом, и всё. Хотя, нет, надо было его Марине показать и объяснить, что это такое и почему у меня в мессенджере лежит ссылка на фотографии полуголой одноклассницы. А я затупил.

Дальше мы ехали в полнейшем молчании. Я вёл машину и периодически поглядывал на Марину, которая задумчиво поглаживала бутоны тюльпанов, прикрыв глаза.

Я не представлял, о чём она думает.

Но, может, раз она выяснила, что любовницы у меня всё-таки нет, сменит гнев на милость и подарит нам ещё один шанс?

Марина

Я ошиблась.

Как только я это окончательно поняла, почувствовала странное опустошение. Так, наверное, чувствует себя океан после бури, резко становясь тихим и спокойным, без высоких волн, сильного ветра, грома и молний. Вот так и во мне всё замерло, затихло. Умерло. В очередной раз.

За последние четыре года я умирала множество раз. От обиды, от любви, от ревности, от ненависти, от презрения и ярости... Я сама себе часто напоминала кипящую воду. И всё ждала, когда она окончательно выкипит и я наконец успокоюсь. Я хотела, множество раз хотела успокоиться и простить — но не могла. Не получалось. И я вновь начинала бурлить, вспоминая, что Сашка обманывал меня все годы брака. Я была беременна Викой — а он бегал по другим бабам. Я сидела с ребёнком, готовила ему ужин, зашивала порванный рукав на куртке, выбирала подарки на праздники — а он изменял.

И даже не считал это чем-то ужасным, кстати. Как он мне тогда сказал:

— Мариш, ну что ты делаешь трагедию из какой-то ерунды? Я люблю тебя, семья у нас с тобой, а это всё фигня. Раз-

влечение, чтобы пар спустить. Не надо так переживать!

И ещё, моё любимое:

— Марин, ну не надо вести себя так, как будто я какой-то захватчик: сжёг твой дом, убил всех родственников и тебе самой нож в спину воткнул. Почему ты так относишься к обычному сексу?

Я ему тогда не стала объяснять, просто треснула и обозвала как-то, не помню даже как.

Поскольку мне было очень плохо, настолько плохо, что нам с Сашей пришлось отдать Вику на время его матери, он быстро сменил тактику, перестал пытаться мне доказать, что ничего страшного не произошло, а начал клясться, что больше не будет. Цветочки носил, конфеты, в ногах валялся, прощения просил, спрашивал, что сделать, чтобы я его простила.

Прощать я была не намерена — нет уж, не после подобного унижения! Я собиралась подавать на развод. Но всё никак не находила сил, чтобы даже почитать в интернете, как это правильно делается, — настолько была разбита. В итоге заболела, температурила постоянно, и лекарства не помогали. Сашка перепугался и уговорил меня съездить на море. Уговаривал он, по своему обыкновению, хорошо — напирал на то, что Вике нужна мама, а наша девочка уже неделю живёт у бабушки с дедушкой и неизвестно, когда вернётся.

Ради Вики я на море и отправилась.

Физически я там действительно набралась сил, но мораль-

но...

Когда я поняла, что Сашка специально затащил меня в постель, чтобы удержатъ рядом с собой, разозлилась. Но аборт? Я бы не простила саму себя, если бы убила своего ребёнка.

Поэтому я в то время приняла решение, что останусь с мужем. Прощу или не прощу — я об этом тогда не думала, решила, что сначала надо родить, а там посмотрим. И очень быстро осознала одну интересную вещь: Сашка вызывал во мне слишком много негативных эмоций, любое общение с ним портило мне настроение надолго, я плакала и жалела себя. В результате для того, чтобы выносить ребёнка, я постаралась отрешиться от мужа, отодвинула его от себя, как лишнюю деталь. Всячески избегала, почти не разговаривала и старалась даже не смотреть в его сторону. Никакого секса у нас, само собой, тогда не было, и я не думала о том, с кем Сашка «спускает пар». Сосредоточилась на рождении Даши.

Такую же линию поведения я выбрала и после появления нашей второй дочери на свет — чтобы молоко не пропало, да и огорчаться лишний раз не хотелось. Подобное сосуществование было для меня удобным и комфортным. Но Сашка моё мнение не разделял и с тех пор, как Даше исполнился год, периодически пытался что-то вякнуть, как он выражался, «о нас». Во время этих разговоров ко мне возвращалось всё — и обида, и отчаяние, и горечь, и даже почти ненависть к нему, разрушившему нашу семью. И чем сильнее напирал на меня Сашка, тем старательнее я отгораживалась от него.

Я и спать с ним начала лишь поэтому — только отстал бы. Но пыталась делать это реже, потому что во время секса с мужем я испытывала жуткую ярость, мне хотелось прибить Сашку с особой жестокостью. А после вновь приходила обида — и я запиралась в ванной, чтобы вдоволь поплакать.

Вот так мы и жили уже четыре года.

Не знаю, как Сашке, а мне давно казалось, что всё это похоже на ад, но, что с этим делать, я не знала.

Сашка

Когда мы с Мариной приехали домой и поднялись в квартиру, моя мама как раз заканчивала кормить обедом наших девчонок. И Вика, и Даша, услышав, что мы вошли в прихожую, повскакивали с мест и побежали нас встречать — обнимать и целовать, а Даша ещё и визжала. Ей недавно исполнилось три года, и визг сопровождал практически любую её сильную эмоцию.

Лицо Марины, когда она обнимала дочек, преобразилось как по мановению волшебной палочки, и я знал, что это не притворство — для неё Вика с Дашей всегда были лекарством. Я — болезнью, а они — лекарством. Вот и сейчас Марина сразу погрузилась в домашние дела, стала общаться с девчонками и ушла с ними в детскую. Я проводил её взглядом и вздохнул — под пальто у Марины оказалось шикарное платье, насыщенно-синее, облегающее, как вторая кожа. Попа у неё в нём смотрелась как орех.

— Интересное кино, — тихо сказала мама, как только Марина и девчонки скрылись в детской. — Марина в платье как для вечеринки, ты в джинсах и свитере. Это что такое-то? Откуда ты её забрал такую красивую?

Мама у меня мировая. Серьёзно — самая лучшая в мире.

Никогда не лезла в наши отношения с женой, не читала мне нотации, не полоскала мозги. Сказала только, что я взрослый и сам должен соображать, что можно, а что нельзя. Даже отец в этом смысле был строже и четыре года назад, узнав, в чём суть нашего конфликта с Мариной, схватился за ремень и несколько раз хлестнул меня поперёк спины и по заднице. Молча. Он вообще считал, что дела всегда лучше слов.

Мама, конечно, ничего не знала про то, что вытворила Марина в середине декабря прошлого года. Я рассказал о том случае только лучшим друзьям на нашей ежемесячной встрече-попойке — и то лишь потому, что был слишком пьяным и ни хрена не соображал. Хотя и не жалею. Надо было всё-таки выговориться, иначе я бы взорвался изнутри.

Не думаю, что моя мама считала Марину способной на измену и гулянки с другими мужиками. Мне и самому до сих пор не верилось, но... факт остаётся фактом.

— С подругами встречалась, — соврал я, не моргнув глазом. — Хотела до вечера, но я её выдернул всё-таки. Спасибо тебе, мам, за помощь.

— Темнишь ты что-то, Саш, — усмехнулась мама. Она всегда была проницательной, как и отец. — Но как хочешь, дело ваше. Надеюсь, ты тогда действительно взялся за ум и больше Марину не огорчал.

Ну разумеется, а что ещё мама могла подумать? Что я опять завёл себе девку, Марина узнала, расстроилась и ушла гулять с подружками. Но лучше уж пусть думает так, чем

выяснит правду.

Что, Сашка, противно, да? Не хочешь, чтобы родные знали, что жена тебе изменяет? А ведь четыре года назад, когда Марина плакала и переживала, ты и не думал об этом в таком ключе. Что ей тоже может быть неприятно подобное — чужая жалость, взгляды искоса, сплетни. Тебе казалось, что всё фигня, не стоит даже об этом говорить. А теперь что?

Да ничего, собственно. Просто теперь я оказался на Маринкином месте — и мне на нём не понравилось.

— Всё хорошо, мам, — неискренне сказал я. — Ты можешь идти. А мы тут сами.

— А ты мной не распоряжайся, — погрозила мне пальцем мама. — Сейчас узнаю, какие планы у Марины и девчонок, тогда и решим, идти мне или нет.

Планы...

У меня не было никаких планов. Планы люди строят, когда понимают, что надо делать. А у меня не было понимания. Я за четыре года наизнанку вывернулся — но ничего не работало.

Что мне ещё сделать, чтобы Марине наконец стало легче, она бросила своего любовника и вернулась ко мне? Заболеть смертельной болезнью? Попасть под грузовик? Защитить её от маньяка? Какие там ещё варианты? Организовать благотворительный фонд, пожертвовать кучу денег на добрые дела, отдать почку на донорство?

Не знаю.

И если честно, то я просто безумно устал.

Сашка

Как я и предполагал, Марина мою маму не отпустила — сказала, что с удовольствием проведёт выходной вместе с ней и не надо никуда уезжать. Это было предсказуемо. Мама рассеивала внимание, позволяла Марине почти не общаться со мной и разряжала обстановку. В общем, работала подушкой безопасности. И, думаю, моя родительница отлично понимала собственную роль.

Мама всю жизнь — до момента, как решила уйти на пенсию и чаще видеть внуков, — трудилась у отца на фирме архитектором. Там они и познакомились очень-очень давно, когда отец ещё только начинал своё дело. Поженились и прожили душа в душу много лет. Мы с братом всегда чувствовали, как они любят и нас, и друг друга.

Именно поэтому отец, узнав о моих, как он выразился, «похождениях», с недоумением высказался:

— Удивительно, что из тебя вырос такой кобель, Саш.

С не меньшим обалдением к моим поступкам отнёсся и старший брат Славка. Хотя он признался, что замечал мой флирт с другими бабами — всё же в одной конторе работаем-то, — но никогда не думал, что у меня доходит до перепихонов. Как он выразился:

— Просто натура у тебя всегда была шаловливая, ты вечный шутник и хохмач, поэтому я и подумать не мог, что дальше улыбочек и фразочек заходит.

Да, вот такой я исключительный уродился. Отец, мама, Славка — все серьёзные люди, никто налево не ходил, в отличие от меня. Впрочем, не только в этом дело. По сравнению с тем же Славкой, не говоря уже об отце и матери, я всегда был «белой вороной». И школу закончил не с золотой медалью, а с кучей четвёрок, и в институте тройки проскакивали — а остальные в нашей семье — красnodипломники, — и на работе звёзд не хватал. Единственный мой талант — умение договариваться. Если надо что-то распланировать или, не дай бог, посчитать — это не ко мне. По деньгам у нас Славка, он экономический заканчивал, а планы отец профессионально составляет, да и считает отлично. Так же, как и мама, Яковлев-старший — архитектор, и на земле стоит обеими ногами крепко, лучше любого дома.

Не могу сказать, что ко мне как-то пренебрежительно относились или в чём-то упрекали, и тем не менее что-то подобное я порой чувствовал. Похожим образом отец относился к не самым удачным своим проектам. Он от них не отказывался, соглашался, что да, он делал, но при этом и не гордился. И если можно об этих самых проектах не упоминать, предпочитал так и делать.

Не знаю, повлияло на меня всё это или нет — тут вопрос к грёбаным психологам, они же любят выявлять связи между

нынешними психологическими проблемами и детством. Но я бы только фыркнул, если бы какой-нибудь доморощенный психолог заявил мне, что я изменял жене в течение первых семи лет брака, потому что всегда был недолюбленным ребёнком. По-моему, это бред сивой кобылы. Я изменял, потому что мне хотелось, потому что была возможность и потому что я не желал нести к Марине какой-то негатив, сбрасывал его с левыми девками. И да — я не заморачивался. А психологи, на мой взгляд, порой слишком глубоко копают в стремлении оправдать обычные мерзости. Ну вот допустим: мужик — педофил. И какая разница, по какой причине он насилует маленьких девочек? Это прям что-то сильно меняет? Как по мне, то абсолютно ничего. Если постоянно искать оправдания людям, вместо того, чтобы просто сказать, что существуют на свете обыкновенные гады и сволочи — или кобели, как в моём случае, — много до чего можно договориться.

Но я-то ладно, со мной всё понятно. Однако Марина ведь не такой человек. Она верная, спокойная, терпеливая... Я могу бесконечно её хвалить, на самом деле, — потому что считаю, что в лице жены отхватил в жизни счастливый билет. Потом я бездарно его просрал, да. Но то, что я её встретил, — уже удача. И мне не хотелось, чтобы Марина марала себя грязью, окуналась в дерьмо, в котором когда-то плавал я. Неприятно это всё! Неужели она сама не чувствует? Не способна Марина, как я, ни о чём не жалеть и спокойно тра-

хаться с несколькими партнёрами одновременно. Настолько зла на меня, что не обращает внимания на совесть? Да, возможно. Но ведь я объяснил ей всё насчёт Милки — может, теперь Марина наконец переключится?

Весь этот день я старался изо всех сил, исполнял всё, о чём просила жена, не пререкался, не возражал и вообще пытался быть идеальным. И гулять ходил с девчонками, пока Марина с мамой отдыхали и точили лясы на кухне, и Вике с уроками помог, хотя я терпеть не могу математику и хрен что в ней понимаю, и с Дашей слепил какую-то ерунду. Она утверждала, что это «яблоко», но мне казалось: слепленное сильнее напоминает два мужских яйца с крошечным членом посередине. Фиговые из нас скульпторы.

После ужина, который приготовила Марина, моя мама наконец уехала, расцеловав напоследок девчонок. Вика и Даша уже начинали зевать — ещё бы, я же с ними почти четыре часа гулял! — поэтому, как только мама ушла, Марина заявила, что теперь будем мыться и по кроватям.

Я даже воодушевился. Сейчас девчонки уснут, и я попробую...

Сашка

Даже взрослые люди могут быть на редкость наивными, ещё наивнее детей. Вот как я, в течение прошедшего дня с какого-то рожна надеющийся, что наш с Мариной разговор по поводу Милки заставит её хоть как-то пересмотреть свою позицию и сменить гнев на милость.

Ага, *щаз*.

Усыплять девчонок Марина отправила меня. Очень хотелось сказать: слушай, я с ними и так почти весь день был, может, хотя бы книжку на ночь ты им считаешь? Точнее, Даше — Вика читает своё, а когда Даша засыпает, откладывает книгу в сторону и выключает свет. Если сама к этому времени не спит, что, кстати, бывает.

Но в итоге я не стал возражать — всё ещё надеялся на лучшее и не хотел ссориться из-за пустяков. Тем более что обе наши дочери отключились буквально за пятнадцать минут. Я успел прочитать Даше только «Трёх котов», «Цыплёнка и утёнка» и «Кораблик» Сутеева, когда девчонки засопели. Быстро — обычно мы почти до конца книжки добираемся, а тут только три сказки.

Вышел из детской, закрыл за собой дверь и отправился в нашу с Мариной спальню.

Было время, когда Марина спала отдельно — в самом начале нашего «конфликта», — но я уговорил её, что для Вики это выглядит странно и подозрительно. Ради дочери жена перебралась из гостиной обратно в нашу комнату, но предупредила, чтобы я её не трогал. Я и не трогал — до отпуска. Но и во время отпуска секс у нас был лишь один раз — в ту ночь, когда была зачата Даша. Если бы я по-настоящему верил в Бога, посчитал бы, что подобное — его проделки, но, увы — я скорее агностик. Верю, но сомневаюсь. Да и вообще — хочется думать, что не в Боге дело, а я сам такой молодец, смог удержать жену.

Ага, удержать... Сейчас подобные рассуждения особенно смешно смотрелись.

Марина лежала на кровати и, подложив под голову подушку, что-то делала в телефоне. Подойдя к жене ближе, я сглотнул — Маринка уже переделась в одну из своих сексуальных ночнушек. Ярко-красную, с кружавчиками по короткому подолу и вдоль выреза. Интересно, это она ради меня или просто так? От Марины всего можно ожидать. Бывало уже такое, когда она лежала в своём секси-белье, я подходил к ней весь из себя уверенный, что сейчас получу по полной программе, ну и в результате получал. По морде.

И чулки Марина не сняла, хотя это было как раз объяснимо — они у неё компрессионные. Месяц назад жене удаляли полип, сказали носить для профилактики пару недель, но Маринка всегда носила дольше — до тех пор, пока не пере-

ставала чувствовать дискомфорт в ногах. Значит, раз чулки ещё на ней, она пока умываться не ходила — иначе сняла бы и выстирала. Тогда зачем легла?

Может, всё-таки меня ждёт?

Я вновь сглотнул и, глубоко вздохнув, опустился на постель рядом с женой. Сердце громко бухало, и словно не только в груди, но вообще во всём теле, особенно в члене, который уже колом стоял.

Я обнял Маринку, прижал к себе крепче, положил голову ей на плечо, поцеловал тёплую и нежную кожу... А потом наконец заметил, что Марина не обращает на меня ни малейшего внимания — она увлечённо переписывалась в телефоне.

Контакт звался Антошкой, и то, что он писал моей жене...

Сердце продолжало стучать, но уже по другой причине — от бешенства. И член опустился. Несмотря на то, что прочитанное не относилось к приличностям. Но невозможно возбудиться, читая подробности секса собственной супруги с другим мужиком!

«Да я уже заметил, что ты больше всего любишь быть сверху, — писал этот Антошка-мандавошка. И смайлик подмигивающий ещё поставил. — У тебя в эти моменты такое лицо... Давай в следующий раз видео запишем? Отправим его твоему муженьку. Пусть твоего рогоносца от злости перекосит».

Меня и правда перекосило.

Блядь, зачем мне видео?! Я и так знаю, как выглядит Марина во время секса! Вот только раньше я думал, что это знаю я один.

В ответ на подобное «гениальное» предложение Марина отправила хихикающий смайлик, и я, заметив его, сжал зубы до боли.

Что бы она обо мне ни думала — но я ни с одной из своих краткосрочных девок жену не обсуждал. Никогда! Не говоря уже о том, что я и в принципе ни с кем не флиртовал по переписке, и не только потому, что не мастер эпистолярного жанра. Опасался, что Маринка увидит.

А она, получается, не опасается.

Я лежу вплотную к ней, голова на плече, дышу ей в ухо — она не может не понимать, что я читаю всю эту хрень, которую пишет её Антошка. Значит, специально. Хочет, чтобы я прочитал.

— И сколько раз за последние несколько месяцев ты с ним трахалась? — прошептал я и провёл ладонью по бедру жены. Говорят, после измены чувствуешь отвращение к партнёру, и, скорее всего, это правда. По крайней мере, Марина точно чувствовала его ко мне после того, как узнала про мои интрижки. Но я к ней никакого отвращения не испытывал.

Я её любил.

А ещё мне хотелось её убить.

А потом и самому удавиться.

— Много, — ответила Марина. Она пыталась говорить

спокойно, но её голос дрожал и вибрировал, как гитарная струна после того, как по ней ударить. — Больше, чем с тобой за последние четыре года.

Я вздохнул.

— И за что ты так со мной?

Это был глупый вопрос. Детский. Я прекрасно знал на него ответ. Но спрашивать что-то иное просто не мог — мне было сейчас слишком больно и обидно, и я банально не соображал.

— А ты — со мной? — парировала Марина, не поворачиваясь, и я, сжав в последний раз мягкую выпуклость под ладонью, встал с постели и просто ушёл.

Марина

Когда Сашка вышел из комнаты, я зачем-то развернулась на постели и посмотрела ему вслед.

Глаза щипало от непролитых слёз, в горле как будто ком застрял, и глотать было больно. И несмотря на то, что я сделала всё специально — хотела, чтобы он увидел меня такой, прочёл мою переписку с Антоном и испытал хотя бы часть того океана боли, что когда-то причинил мне, — я никакого удовлетворения не испытывала.

Кажется, мне было даже хуже, чем ещё час назад, не говоря уже о том, что мне было теперь намного фиговее, чем в декабре, когда я увидела в Сашкиной переписке ссылку на тот альбом с фотографиями. Я ведь подумала, что он опять за своё. И взбесилась.

Только этим словом я могу обозначить то, что со мной творилось. Никак иначе.

Скорее всего, я настолько взорвалась, потому что в то время уже начала чувствовать, что оттаиваю. Если раньше я самой себе казалась снежной глыбой, то тогда я вдруг стала думать: может, пора немного смягчиться к Сашке? Он ведь старается, а я...

А что я?

Да, я читала его переписку. Постоянно, почти каждый день.

Я проверяла его банковские приложения, ища подозрительные расходы.

Я следила за ним. И сама, и с помощью частного детектива. Трижды я обращалась в агентство, и трижды мне давали полный отчёт по передвижениям и контактам моего супруга, который оказывался чист как слеза ребёнка.

Я попросила Славку, Сашкиного брата, сказать мне, если он заметит что-то подозрительное, — и он обещал. Причём я знала, что он обязательно сдержит слово и не станет покрывать моего мужа.

И всё это — при внешней полнейшей незаинтересованности в Сашке. Я старалась не показывать ему, как мне плохо, как я мучаюсь из-за недоверия, как сомневаюсь в каждом его слове или действии. Лиза, Славкина жена, с которой у меня очень хорошие отношения, говорила, что мне надо к психологу, и один раз я даже пошла — но на этом всё и закончилось. Женщина-психолог решила поинтересоваться, почему Сашка мне изменял. И намекнула, что я в этом тоже виновата, ведь не бывает так, когда виноват кто-то один. Подобное меня настолько возмутило, что я поняла: психологи — это не моё. Изменял в течение семи лет Сашка, а причину я должна искать в себе? Замечательный способ отмыть чёрного кобеля добела, но мне не подходит.

Я решила, что справлюсь сама. И надеялась, что со време-

нем, если Сашка не будет больше косячить, я просто переговорю. Нельзя же всю жизнь обижаться, плакать и страдать? Никакая боль не может быть вечной, тем более что в нашем случае никто не умер. По крайней мере, физически. Морально — возможно, но физически-то все до сих пор на этом свете, а значит, что-то ещё можно сделать.

И я жила. Сашку старалась игнорировать как можно больше, чтобы не сдирать корку с едва поджившей раны, и следила, следила, следила...

Он не косячил. Он старался. Конечно, характер человека не переделать, и Сашка по-прежнему оставался моим мужем — где-то безответственным, где-то отвязным и бесшабашным, в чём-то на редкость беспомощным, — но именно таким я его и полюбила когда-то. В остальном же...

Он многое в себе перекроил за последние четыре года. Стал более внимательным ко мне и дочкам, больше думал о семье, чем о развлечениях, старался не врать даже в мелочах, начал чаще дарить цветы и подарки, и делал это гораздо качественнее. Если до нашей размолвки Сашка на 8 Марта вполне мог отделаться от меня букетом роз, то последние четыре года он на каждый праздник организовывал что-нибудь грандиозное, не жалея ни денег, ни собственного времени. И я это ценила, но... вновь довериться, забыть о произошедшем, не вспоминать, что меня обманывали в течение целых семи лет, — просто не могла.

Мне казалось, что как только я это сделаю, расслаблюсь

и позволю себе вновь поверить в лучшее, Сашкино поведение изменится. Сейчас-то он старается, потому что я такая холодная и бесстрастная, но если я оттаю, то он вернётся к прежней модели существования. Дома любящая жена, а в других местах — временные и «ничего не значащие» любовницы.

Я точно знала, что второго по счёту предательства не переживу, поэтому тянула с прощением до последнего.

И вот... дотянула.

Марина

Прочитав в декабре ту дурацкую переписку с Милой, которая, как я теперь понимаю, не была ничем из того, что я о ней подумала, я разозлилась и едва не кокнула Сашкин телефон о ближайшую стену.

Кое-как сдержалась.

Несколько дней я кипела, как вода в чайнике, под которым горит сильный огонь, и толком не могла работать. Работаю я мастером по маникюру в салоне красоты, несмотря на то, что изначальное образование у меня — переводческое, и я в совершенстве знаю английский и французский. Но так вот получилось по жизни, и я не жалею.

В общем, девчонки-коллеги на работе шипели на меня, начальница и по совместительству бывшая одноклассница Карина Романова ругалась и пыталась отправить в отпуск, но тут уже воспротивилась я — сидеть дома, в четырёх стенах? Нет-нет, лучше работать!

А потом девчонки с Кариной во главе потащили меня в клуб. Случилось это в выходной день, и детей я оставила на Сашку, который вообще не понял, куда я иду и когда вернусь, но перечить не стал.

Он верил, что я не способна на предательство. Да и я са-

ма, по правде говоря, тоже всегда так думала. Я даже не рассматривала вариант, чтобы в ответ на Сашкину измену переспать с другим мужиком. Как-то это всё противно, и вообще я не настолько непривередливая. Наоборот, в вопросах секса я во многом ханжа и не воспринимаю случайные связи. Я считала, что подобное поведение не для меня. В конце концов, как можно переспать хрен знает с кем? Мало ли, чем это человек может быть болен, а мне потом лечись.

Наверное, если бы я оставалась трезвой, я бы продолжала рассуждать в таком же духе. Но коллеги, а особенно Карина, напоили меня в тот вечер изрядным количеством коктейлей, и из-за них все разумные рассуждения забылись. Я сидела за столиком, посмеиваясь над тупыми шутками каких-то парней, которые подсели к нам ближе к ночи, и чуть ли не пугыри пускала.

— Пойдём, — сказал кто-то над моим ухом и потащил меня прочь с дивана. — Девчонки, мне кажется, вашей подруге уже хватит. Я её домой отвезу.

— Смотри, Антон, — погрозила ему пальцем Карина. — Чтобы ни один волос с Маринкиной головы не упал.

На следующий день я удивлялась, что она настолько легко отпустила меня с незнакомым парнем, но оказалось, что для Карины он не был незнакомым. Антон — её двоюродный брат. Более того, она позвонила ему и попросила прийти с друзьями в этот клуб, развлечь девчонок, если есть возможность. Поэтому отпускала меня с ним Карина почти с лёгким

сердцем — знала, что он ничего мне не сделает.

Ну... почти ничего. Но я его не виню. Очень сложно сдерживаться, когда на тебя лезет жаждущая секса девушка без тормозов. А именно так я себя и повела, как только мы с Антоном сели в его машину. Он даже завести её не успел — я накинулась на него, словно давно голодающий человек на пирожное, и заявила:

— Всегда мечтала потрахаться в машине!

Поначалу Антон со смехом пытался отцепить от себя мои руки, уговаривал на что-то, но я ничего не слушала. Я была не способна слушать, у меня от алкоголя и стресса отказали мозги.

И — да, мы потрахались. На заднем сиденье машины Антона. Как перебрались туда, я даже и не помню.

Помню только, что в процессе было классно. И в какой-то момент я отчего-то решила, что занимаюсь сексом с Сашкой... разозлилась, начала плакать и выговаривать ему, как я его ненавижу за всё, что он со мной сделал, в кого превратил. Так и кончила — плача, причитая и раздирая Антону спину в кровь.

Осознание, что я натворила — вывалила на незнакомого человека целую кучу личной информации, ещё и мужу изменила, — пришло ко мне позже, когда Антон ссадил меня с себя, погладил по голове, как маленькую девочку, вздохнул и сказал:

— Мне очень жаль.

Марина

Домой ко мне в тот вечер мы с Антоном доехали почти в полном молчании. Я стремительно трезвела, приоткрыв окно и жадно глотая ледяной декабрьский воздух, и пыталась сдерживать слёзы, набухающие в глазах, как цветочные бутоны после дождя.

Насколько же мне в этот момент было хреново! Словами не передать. Не знаю, возможно, где-то существуют мужчины и женщины, которым ответная измена приносит радость, мне же банально было мерзко. До чего я докатилась в своей обиде и боли? На незнакомого мужика накинулась...

Да что там — на мужика! Парень молодой, моложе меня намного. Мне-то тридцать шесть, а ему... Нет, он вполне взрослый, совершеннолетний, по крайней мере, но молоденький. Сейчас небось едет и думает: вот это я попал.

— Извини, — сказала я, когда Антон остановил машину возле подъезда нашего с Сашкой дома. — Если ты беспокоишься, что я после случившегося стану навязываться, то...

— Я произвожу впечатление идиота? — фыркнул Антон и повернулся ко мне. Он сидел спереди, я — сзади, на улице и в машине освещение оставляло желать лучшего, поэтому я плохо видела его лицо. Заметила только, что он ухмыляется.

ся. — Ежу понятно, что ты просто перепила и слегка поехала крышей. Ладно, бывает, я не в обиде. Хотя, честно признаюсь — опыт у меня богатый, но чужим именем называли впервые.

Мне стало стыдно. Да, Марина, дала ты маху. Страдать в одиночестве в этот раз не получилось, впутала ещё ни в чём не повинного человека, обидела его. Судя по общим очертаниям в полумраке салона машины, Антон-то красавчик — и каково ему было услышать не своё имя, так сказать, в процессе? Тот ещё удар по самолюбию.

— Извини, — повторила я, тяжело вздохнув. — Натворила я дел...

— Слушай, — фыркнул Антон и неожиданно перебрался с переднего сиденья ко мне на заднее. Я удивлённо вытаращилась на него, а он между тем легко коснулся пальцами моих губ и, улыбаясь, сказал: — Ты собираешься сейчас идти наверх, к своему мужику-козлу, вот с таким выражением лица? Серьёзно?

Я слегка нахмурилась.

— Не понимаю, о чём ты.

— О том. Судя по тому, что ты бормотала, пока скакала на мне, он тебе много лет рога отращивал. И ты к нему сейчас пойдёшь с виноватой физиономией? Может, прям с порога и признаешься, что тоже изменила? Повинишься, поплачешься, носом пошмыгаешь. Всё, мол, вы теперь квиты. Так, что ли?

Я молчала.

Нет, конечно, я не стану ничего говорить Сашке. И плакаться — ни за что! Он ведь не плакался, когда я его, можно сказать, с поличным поймала. Сделал рожу кирпичом и всё повторял: «Да что такого-то? Марин, это же ерунда!»

У-у-у, ненавижу этого гада! И у него я должна прощения просить, перед ним стыдиться? Он же не стыдился!

— Нет, не так, — буркнула я недовольным тоном. — Не знаю как, но точно не так.

— Зато я знаю, — хмыкнул Антон и, подняв пальцы, которыми до этого гладил мои губы, чуть выше, щёлкнул меня по носу. — Сделай лицо попроще. А ещё лучше — сделай его счастливым. Придёшь сейчас к своему благодетелю с такой благодетельной мордашкой и скажешь, что тоже ему изменила. Пусть позлится.

Ещё сутки назад я отвергла бы подобное предложение. Но после той переписки с фотографиями в купальнике я была слишком зла и обижена — и, да, мне хотелось сделать Сашке больно.

Так больно, как было когда-то мне самой. Чтобы его так же трясло и колотило, наизнанку выворачивало, чтобы у него сводило все внутренности и ныло сердце. Чтобы ему точно так же, как и мне, хотелось сдохнуть.

И я, торжествующе оскалившись, выдохнула:

— Да-а-а, точно. Ты прав.

— Вот теперь гораздо лучше, — кивнул Антон. — А то,

понимаешь, сидит тут вся из себя грустная. Я понимаю ещё: мужик был бы нормальный и честный, но нет ведь — козли-на.

— Мужской солидарностью, я смотрю, ты не страдаешь?

— Я страдаю здравым смыслом, — пожал плечами мой новый знакомый. — И мне кажется: твоему мужу не повредит получить по причинному месту.

Марина

Прежде чем войти в квартиру, я минут пять стояла возле входной двери и настраивала себя на «позитив». Мне нужно было показать Сашке совсем не смятение и отчаяние, а наоборот — счастье, удовлетворённость новыми отношениями и презрение к нему. Максимум, что я могла себе позволить, — это здоровую конструктивную злость. Но ни в коем случае не какие-то нюни.

Когда мне показалось, что я наконец созрела, я достала ключ из сумочки и, открыв замок, вошла в квартиру.

Сашка вылез из спальни почти сразу, как я сняла куртку и сапоги. Посмотрел на меня, вопросительно подняв брови — мол, где ты была и почему не отвечала на звонки? — но я молчала. Спокойно раздевалась, натянув на губы лёгкую многозначительную улыбку, и ничего не говорила. Сашка, наверное, в дальнейшем решил, что я совсем обнаглела — на самом же деле мне просто не хотелось начинать этот разговор первой. И лгать. Пусть и не во всём — но во многом.

Но муж молчал, только в тишине ходил за мной, как привязанный, и пыхтел. Подобное поведение для Сашки — вещь удивительная, он вообще не отличается сдержанностью, в отличие от меня. Хотя теперь я уже тоже не отлича-

юсь.

В итоге я села на постель, начала расстёгивать платье, в котором ходила в клуб, — молния была сбоку, поэтому помощь Сашки мне не требовалась, — и вдруг поймала на себе его голодный взгляд. Такой откровенный, страстный и обжигающий до самого нутра — ни один мужчина не смотрел на меня подобным образом.

И я внезапно разозлилась.

Потому что — вот какого хрена он мне изменял в течение семи лет, если всегда, сколько я себя помню, смотрел на меня только так? Чего ему не хватало-то?!

— А знаешь, — выпалила я, улыбнувшись. Думаю, что со стороны моя улыбка выглядела радостной — на самом деле она была скорее дикой. — Я тут недавно с одним мужчиной познакомилась. Так, ничего особенного, встречались пару раз, ходили кое-куда, переписывались, флиртовали. А сегодня я с ним в первый раз переспала.

Сашка замер, будто остоленел, и взгляд тут же изменился — из него начисто исчезла страсть, теперь в нём отражалась одна лишь растерянность.

И побледнел муж так сильно, что я на мгновение подумала — его сейчас сердечный приступ хватит.

Но не отступила,гнула свою линию:

— И он такой классный оказался, знаешь? — продолжала я, по-прежнему улыбаясь. Зачем-то встала и, ощущая какую-то безумную эйфорию, подошла к Сашке и выдохнула

ему почти в лицо: — Я ведь уже четыре года оргазма не получала, а он меня так оттрахал, что я несколько раз кончила. И какой у него член! У тебя по сравнению с ним жалкая пипка.

— Марин, что ты несёшь? — прошипел Сашка, хватая меня за плечи. — Что за ху...

— Хуйня — это ты про себя? — засмеялась я, дрожа от азартной злости. — Согласна, ты — полный отстой! Теперь я понимаю, по какой причине ты изменял мне. Комплексовал, что у тебя маленький член! Жалкий, крошечный...

Сашка, что-то прорывав, поднял одну ладонь и шлёпнул меня ею по губам. Было вообще не больно и даже не обидно, по крайней мере, мне — а вот он, кажется, испугался. Посмотрел удивлённо на меня, потом на свою руку, будто не понимал, как умудрился поднять её на жену.

А я по-прежнему смеялась.

— Не нравится слушать правду, да? Ну что ж поделать, такова теперь твоя доля. Можешь меня поздравить — я узнала, как трахаются настоящие мужики, а не тряпки вроде тебя! Кстати, не пойму, что ты переживаешь. Сам же когда-то мне сказал, что я слишком драматизирую и устраиваю трагедию из-за ерунды. Где, мол, секс, а где — семейные отношения и любовь-морковь. Что, сейчас — это уже другое, да? Тебе можно, а мне нельзя?

Сашка молчал, только смотрел на меня, сверкая бешеными глазами, и мне на одно мгновение стало стыдно.

Я видела, что ему очень больно. В отличие от меня, он сейчас не играл.

— Пойду, проветрюсь, — рявкнул Сашка через пару секунд, развернулся и почти выбежал из спальни.

Марина

Я не спала полночи. Во-первых, через пару часов от всего выпитого у меня начала раскалываться голова, а во-вторых...

Мне по-прежнему было стыдно. Несмотря на то, что я тогда считала — Сашка заслужил именно такое отношение, и никак иначе. Он заслужил ответную измену, заслужил мои лживые оскорбления, презрение и насмешки. Я хотела, чтобы он понял, как мне больно, чтобы почувствовал то же самое и, возможно, хоть что-то осознал.

Да, я хотела, и в целом не жалела о своём поступке. Но стыдно всё равно было. Почти нерациональное чувство... Хотя почему почти? Нерациональное, и всё. Разве это рационально — стыдиться секса с малознакомым парнем после того, как твой собственный муж тебе семь лет рога наставлял?

Уснула я только под утро и проснулась, когда мрачный и какой-то весь помятый Сашка, с синяками под глазами, жутко пахнувший дешёвыми сигаретами и плохим пивом, опустился рядом со мной на кровать. Невозможно спать, когда рядом с тобой сидит настолько вонючий мужчина, ещё и шепчет лихорадочно:

— Прости, Марин... Прости, прости, прости...

Я не поняла, за что конкретно он извиняется, но в любом случае сейчас это не имело значения.

— Иди прими душ, — сказала я хриплым со сна голосом. — И зубы почисть. А то девчонки проснутся, а ты тут играешь роль бомжа. Испугаются.

— Да, ты права, — кивнул он, помолчав, и ушёл. Я хотела ещё немного подремать, но не смогла уже уснуть — только лежала и почему-то прокручивала в памяти Сашкин недавний полубезумный вид.

Он выглядел как человек, которому очень плохо.

И я должна бы чувствовать удовлетворение... Ну, я же отомстила вроде как. Но я его тем не менее не чувствовала. Мне просто тоже было плохо — и всё. Однако я оказалась не готова сдавать назад и признаваться, что не всё в моём ночном спектакле было правдой. Но и делать вид, что ничего не случилось, тоже было невозможно.

В результате, когда Сашка вышел из душа и стал более-менее напоминать нормального человека, мы с ним поговорили. Точнее, говорила в основном я, а он слушал. Извинился только ещё раз — но не за семилетний обман, а за пощёчину, которую я почти и не заметила на кураже. Да и не пощёчина это была, а так, шлепок, но переживал Сашка настолько, будто он мне как минимум фингал под глазом поставил.

Это было бы смешно, если бы не было так грустно. Потому что за свои измены муж ни разу нормально не извинился.

Нет, разумеется, он говорил и «прости», и «извини», и прочие словесные кружева — но при этом искренности в них не было ни на грош.

Сашка не жалел.

Поэтому я, вываливая на него всю утреннюю информацию, тоже его не пожалела.

— В общем, я решила, — говорила я как могла спокойно, хотя внутри вся дрожала от противоречивых эмоций. — Будем жить как жили. У тебя — твои девки, у меня — своя личная жизнь. Мы воспитываем девчонок, им нужны и мама и папа. Но развлекаться на стороне каждый имеет право. Кажется, ты за это и топил когда-то, объясняя мне, что секс и любовь — вещи разные.

— Я... не за это... — блеял Сашка. Впервые в жизни я видела его настолько растерянным, и мне было одновременно и больно, и злорадно.

— Неважно, — отмахнулась я от мужа. — Думаю, ты понял мою мысль. Можешь продолжать в том же духе.

Я хотела добавить: «И обсуждать чужие прелести, глядя на полуобнажённые фотки», но отчего-то промолчала.

И вот теперь, спустя четыре месяца, глядя вслед ушедшему в душ Сашке, я думала: а если бы я тогда упомянула эти фотки? Если бы смогла вывалить на мужа причину своей последней жуткой обиды — избежали бы мы того, что случилось дальше?

Не знаю. Я уже давно ничего не знаю и не понимаю.

Я просто безумно устала.

Сашка

Интересно, бывали ли в мировой практике самоубийств такие случаи, когда люди с горя топились в ванне? Наверное, да. По крайней мере, я, в ступоре глядя на льющуюся из душевой лейки воду, неожиданно осознал, что прокручиваю в голове, как именно это можно проверить.

Довела меня Маринка, довела...

Но я сам виноват, если не во всём, то во многом. Все семь лет, периодически гуляя от Маринки, я порой думал: а что, если она узнает? И гнал от себя эти мысли прочь. Ну как она может узнать, я ведь никогда не связываюсь с проблемными девками, все связи на один-два раза. Не помню, чтобы с кем-то спал больше двух раз, серьёзно. Больше двух раз — это уже какие-никакие, но отношения, а мне они на фиг сдались. Отношения у меня были с Мариной, а это всё — приятные развлечения. Как в баню сходить, расслабиться, попариться. Но не каждый же день туда мотаться, когда ванна дома есть.

Наверное, что-то в моих рассуждениях изначально было неправильно, раз вот так всё получилось. Хотя не наверное — точно. И ты даже знаешь, что именно, правда, Саш? До последнего не хочешь признавать, но в глубине души — знаешь, в чём дело. Не дебил ведь. Козёл, но не дебил.

И сейчас всё стало ещё очевиднее, когда я увидел Марину с этим её хероем воочию и прочитал кусок их переписки. И неважно, что у меня никогда не было ни с кем подобных диалогов и в целом какой-то эмоциональной близости. Нет, не так — важно, конечно. По крайней мере, мне так проще себя оправдывать. Но для Марины всё иначе. Для неё неважно, как именно я общался с другими женщинами, — важно лишь то, что я её столько лет обманывал. Врал.

Она, возможно, ещё и поэтому выбрала другой путь и не стала врать мне изначально, сразу сообщила про своего любовничка. Может, и так. Ну или Марина просто хотела сделать мне больно. Хотя чересчур самонадеянно с моей стороны думать, будто жена что-то ко мне по-прежнему испытывает и её на самом деле волнует, больно мне или нет. Четыре года Марина обращала на меня внимания не больше, чем на стул, и предположить, что ей хотелось уколоть меня посильнее связью с этим Антошкой, можно было только от отчаяния.

Да, я действительно отчаянно хотел верить, что жена меня любит. Хотя бы немного. Что в ней по-прежнему тлеет тот огонь, который я раздул когда-то в маленькой одинокой девочке.

Сашка

Когда мы познакомились с Мариной, мне было двадцать восемь, ей — двадцать два. Она устроилась на работу в компанию моего отца переводчиком — нам были нужны такие люди постоянно, поскольку сотрудничали мы со многими иностранными компаниями. Отец знал в совершенстве немецкий язык, я кое-как умел изъясняться по-английски, Славка с детства увлекался китайским, но остальные языки были в пролёте. И Марина стала нашей переводчицей с французского и по совместительству личной помощницей отца.

Я сразу её заприметил. Как не приметить? Такая красавица под боком ходит. Славка в шутку называл Маринку «олёнёнок» — за глубокие карие глаза, пушистые ресницы и в целом невинное выражение мордашки. Особенно мне нравилась Маринина молочная кожа — белая, чистая и такая нежная на вид, что безумно хотелось коснуться рукой и попробовать на ощупь. А ещё лучше — губами.

Марина тогда выглядела очень молодо, как вчерашняя школьница, скромно одевалась и держалась всегда строго, но приветливо. По ней сразу было видно, что она — «хорошая девочка», правильная отличница, с принципами в стиле

«не целуюсь на первом свидании» и «не сплю до свадьбы». К Марине хорошо относились и отец, и Славка, причём брат мне сразу сказал:

— Ты глаза-то на девчонку не лупи, она как моя Лиза — с ней можно только по-серьёзному. Разобьёшь ей сердце, она расстроится, работать не сможет, уволится. Зачем нам такая фигня? Для развлечений поищи кого-нибудь на стороне.

Где-то первые полгода работы Марины у нас я так и делал. Не готов я был к серьёзностям. Да и сама Марина, когда я с ней флиртовал, настолько смущалась, опуская свои прекрасные глазки, что я быстро сдавал назад, понимая — нет, слишком уж нежная девица, одни проблемы от неё потом будут. И не только от неё, но и с отцом.

Хотя порой, когда Марина участвовала в переговорах и разговаривала на французском, безумно напоминая мне Одри Тоту из фильма «Амели», я залипал на неё, как пчела, учуявшая особенно сладкий цветок, и не мог оторвать взгляд. Порой даже ревновал Марину к нашим партнёрам — нравилась она не только мне, многим, но, к моей радости, ни с кем никаких романов Марина не заводила. Отец как-то упомянул, что она из очень строгой семьи, чуть ли не какой-то религиозной, но подробностей не раскрывал, а я и не спрашивал.

Но однажды Марина не пришла на работу, и я, заметив её пустующее место за секретарской стойкой, заинтересовался: — Пап, что случилось, где наш оленёнок?

— У Марины умерла мать, — вздохнул отец. — Очень, конечно, некстати — завтра девочка пригодилась бы мне на переговорах. Она отпуск взяла на неделю, в понедельник только придёт.

Целый день я отчего-то маялся, прокручивая в голове фразу отца: «У Марины умерла мать». Обычное явление, конечно, — все мы смертны. И сама Марина мне никто, я с ней на тот момент толком и не общался не по работе. Ну была парочка разговоров, но разве это считается? И оказать девушке поддержку я никак не мог. Но мне отчего-то хотелось это сделать. Я сам даже удивился подобному чувству, настолько странным оно было.

В итоге, промаявшись на работе до вечера, я взял в отделе кадров Маринкин адрес и поехал к ней домой.

Жила Марина в то время в какой-то жопе, чуть ли не за городом, я туда еле добрался по пробкам. Ещё диву давался: как она умудряется вовремя на работу приходить, обитая в такой дыре? И когда отдыхает, если, пока доедешь, ночь наступит?

Возле подъезда мешкать не стал, сразу пошёл в дом. Мне повезло — как раз когда я начал раздумывать, не позвонить ли Марине, чтобы узнать код, из подъезда вышел мужик с собакой, и я смог войти внутрь. Поднялся на нужный этаж, подошёл к квартире, поднял руку, чтобы позвонить... И чертыхнулся: куда ты, придурок, даже без цветов припёрся к девушке?! Но тут же задумался: а стоит ли покупать цветы?

Марина такая замороченная особа, вдруг поймёт как-то не так.

Ага, не так — это как? Я и сам не понимал, зачем к ней пришёл, чего хочу сейчас сделать или доказать.

Но отступить было поздно, и я нажал на кнопку звонка.

Саша

Открыла Марина не сразу. И я уже думал, что надо разворачиваться и уходить, испытывая от этого одновременно и разочарование, и облегчение, когда дверь наконец распахнулась и передо мной появилась Марина. В одном тёмно-сером застиранном халате, с влажными волосами и глазами, круглыми от удивления.

— Александр? — выдохнула она изумлённо. — А-а-а... что вы тут делаете?

Я мог ответить разве что: «Хрен меня знает», поэтому пришлось импровизировать.

— Отец не может найти у себя на столе экземпляр одного договора. Вот я и подумал — вдруг ты случайно его с собой забрала?

Это был полный бред. Наиполнейший. Я никогда не выдавал настолько тупую фразочку, общаясь с девушкой. Но Марина изначально действовала на меня так, что я моментально глупел и не мог собраться с мыслями. У неё и сейчас порой был подобный эффект, несмотря на почти двенадцать лет брака.

— Забрала? Я? Договор? — выпалила она возмущённо. — Я никогда не забираю с собой важные бумаги!

— А неважные? — уточнил я и, пока Марина хлопала глазами, отодвинул её в сторону и вошёл в квартиру.

Да-а-а... Я сразу понял, что жила она небогато. Квартира была крошечной — однокомнатная, кажется. И обстановка — будто из фильмов про Советский Союз. Не удивлюсь, если увижу в комнате сервант с посудой. А эти полосатые обои в коридоре... Они точно попадались мне в каком-то старом фильме. В «Иронии судьбы», может?

— Александр, что вы себе позволяете, я вас не приглашала, — негромко сказала Марина и потянула меня за локоть в сторону выхода. — Выйдите, пожалуйста...

— Ладно. — Я провёл ладонью по затылку, сделал шаг к двери... и захлопнул её. Марина раздражённо сверкнула на меня глазами, и мне показалось, что она от негодования даже ногами сейчас начнёт топтать. — Ну не сердись. Я соврал. Просто отец сказал мне про твоё горе, и мне почему-то захотелось тебя поддержать. Хотя... я знаю почему. Ты мне нравишься.

Несмотря на то, что освещение в коридоре было на редкость тусклым, я всё равно заметил, как Марина после этих слов залилась краской.

— Э-э-э...

— Можешь ничего не говорить, — я замахал на неё руками. — Давай я просто помогу тебе с чем-нибудь? Мне очень хочется тебе помочь.

— Да чем вы можете мне помочь? — удивилась она, про-

должая краснеть. — Я же сейчас занимаюсь организацией похорон. Сегодня весь день ездила и завтра опять поеду, ещё не всё доделала.

— Я могу тебя отвезти, — предложил я. — Отсюда же ехать наверняка далеко. Я вообще удивляюсь, как ты умудрялась приходить на работу вовремя, добираясь из такой дыры?!

Марина слабо улыбнулась, и я внезапно понял, что она безумно уставшая и замученная.

Даже стыдно немного стало, что я притащился к ней вот так, поздно вечером, ещё и с совсем пустыми руками...

И я уже хотел сказать, что сейчас уйду и приеду только утром, чтобы отвезти её, куда она скажет, когда Марина вдруг предложила:

— Чаю будете?.. — И кашлянула с неловкостью, глядя на меня с удивлением: мол, что я сейчас такое сказала?

А я поспешил согласиться. Естественно, какой же дурак откажется выпить чаю в гостях у девушки, которая нравится до дрожи в коленках?

Нет, в тот вечер между нами ничего не случилось, даже дурацкого поцелуя — и того не было. Я просто сидел на крошечной Маринкиной кухне и пил чай из большой кружки. Маленькими глотками, чтобы задержаться подольше. Задавал ей вопросы, слушал ответы... И Марина от меня не отставала — тоже спрашивала о разном.

В тот вечер я узнал о ней больше, чем знал о большин-

стве своих бывших девушек. И главное — я всё запомнил, хотя обычно подобная информация вылетала из моей головы быстрее ветра. Вообще не задерживалась. Какая разница, кем были родители девчонок, с которыми я спал и недолго встречался, где та или другая училась, о чём мечтала в свободное от меня время? Совершенно неважно. Но с Мариной с самого начала всё было как-то иначе.

По-настоящему.

Да, она действительно воспитывалась в строгой семье — тут отец не соврал. Её родители были возрастными людьми — когда Марина родилась, матери было за сорок, а отцу за пятьдесят. Двадцать лет пытались завести ребёнка... Неудивительно, что за Мариной смотрели примерно так же, как смотрят надзиратели за заключёнными. Она не говорила мне ничего подобного, разумеется, и вообще о своих родителях отзывалась исключительно уважительно — но я понял это и сам по парочке вырвавшихся фактов.

Марина не ходила в детский сад, потому что родители опасались оставлять её с чужими людьми. Она стала переводчиком, потому что так решили родители. И близких людей у неё, кроме них, не было — никого мама и папа за всю её жизнь так и не одобрили, никто им не нравился.

Отец, как оказалось, умер два года назад, а мама вот вчера. И попросить о помощи Марине и правда было некого — других родственников у неё не имелось, а друзей тем более.

В итоге я остался на ночь — она постелила мне на кровати

своей матери. У любой другой девушки я в жизни не стал бы оставаться ради того, чтобы поспать отдельно, ещё и на кровати, где недавно спал почивший человек, но ради Марины я был готов на многое.

С тех пор, собственно, мало что изменилось.

Сашка

Когда я вышел из душа, проторчав там хрен знает сколько времени, вспоминая прошлое, Марина уже спала. Сопела, уткнувшись носом в подушку и даже одеялом не накрывшись. И чулки не сняла. Меня это кольнуло: ну чего она, не могла зайти и переодеться в ванной, пока я плескался? Сколько же раз заходила и делала так раньше. А теперь чего — брезгует? Вроде объяснил ей всё про Милку, а такое впечатление, что только хуже сделал.

Вздохнув и стиснув зубы, я аккуратно накрыл жену одеялом, чтобы не замёрзла. Знаю ведь её: поспит вот так раскрытая — а на следующий день будет ходить и спину тереть, потому что продуло. Маринка к таким вещам чувствительная, в отличие от меня.

Её телефон валялся рядом на подушке, и я поначалу хотел просто закинуть его на тумбочку. Даже успел положить и отойти... но потом вернулся. Взял в руку, подержал немного в ладони, потряс...

Бляяядь, Сашка, ты серьёзно?

Как игра в горячую картошку. И, да, Марин, в эту игру можно играть вдвоём. Конечно, я знаю, что ты порой залезала в мой телефон и рылась там, но я закрывал на это глаза —

после того, как я столько времени обманывал жену, подобное поведение не должно удивлять. И вот теперь я оказался на Маринкином месте и не мог сдержать собственного... нет — не любопытства. То, что я чувствовал, нельзя было назвать этим безобидным, мать его, словом.

Скорее, жадность. Грёбаная жадность...

В конце концов, я четыре месяца сдерживался и не залез в Маринкин телефон. Скрипел зубами, но не хватался за её трубу — считал это унижением для себя. Но сейчас мне было плевать, я просто хотел знать, что у неё всё-таки с этим Антошкой, насколько всё серьёзно. А то, может, мне уже вещи паковать надо?

Провёл пальцем по экрану, набрал пароль. Он, естественно, подошёл — я даже не сомневался, что Маринка его не поменяла. Почему? Хрен знает. Просто чувствовал.

Залез в мессенджер, нашёл её хероя и начал предаваться истинному мазохизму.

А то, что это именно мазохизм, я осознал быстро. Потому что они флиртовали друг с другом очень активно. Потому что Антошка, чтоб у него всё и везде засохло, постоянно прохаживался по мне-козлу. Маринка толком не отвечала, но посылала хихикающие смайлики. Потому что они обсуждали прошлые встречи и... да, секс.

И если раньше — недолго и невнятно, но всё же — у меня была надежда, что это шутка, какой-то спектакль, Маринка просто притворяется... то теперь эта надежда сдохла в му-

ках.

«Знаешь, ты очень чувствительная, — писал моей, блядь, жене её любовник. — У меня таких отзывчивых девушек ещё не было. Серьёзно! Несмотря на богатый опыт))))))»

«Просто я тебя сильно старше и изголодалась по мужскому вниманию, — отвечала Марина, поставив краснеющий смайлик. — Когда узнаёшь, что муж много лет добирал секс на стороне, поневоле начинаешь сомневаться в собственной привлекательности. И меня давно ничего толком не радовало. Ты радуешь. Спасибо тебе».

Я отшвырнул телефон в сторону, каким-то чудом попав на тумбочку и не разбив его, и сжал ладони в кулаки.

«Поневоле начинаешь сомневаться в собственной привлекательности».

Впервые в жизни я об этом задумался.

И почувствовал особую горечь оттого, что понимал: даже если бы Марина сказала мне нечто подобное ещё год назад, я бы не обратил на это внимания. Потому что глупость! Марина всегда была для меня фантастически привлекательной. Даже сейчас я хотел её, несмотря на ярость из-за наличия в её жизни Антошки. Я бы всё отдал, чтобы Марина просто сказала: «Саш, давай всё забудем и начнём с чистого листа». Ну, кроме дочерей. Остальное — всё! Деньги, руку, ногу, почку, да хоть голову — забирайте, лишь бы с Маринкой помириться.

Но теперь я отлично понимал жену. Получив от неё «в

подарок» измену — да, понимал.

Потому что и сам с недавних пор начал сомневаться в собственной привлекательности.

Сашка

В результате уснуть я так и не смог. Хорошо, что на следующий день не надо было на работу — воскресенье всё же.

Утром я сидел возле кровати, караулил, когда Марина проснётся... Хотел предложить ей попробовать начать сначала. Понимал, что пошлёт, но всё равно собирался предложить. Может, у неё хоть что-то внутри дрогнет, а?

Марина открыла глаза, потянулась под одеялом и, как только я открыл рот, чтобы вывалить на неё то, о чём полночи думал, спокойно-сонным голосом произнесла:

— Ты не против, если я сегодня проведу вечер отдельно от тебя и девчонок? Хочу вырваться на пару часов. Надолго не задержусь, не переживай.

Я резко захлопнул рот, едва не сломав себе челюсть, и, переждав пару секунд, чтобы не заорать, процедил:

— К Антошке пойдёшь?

— Ну да, — вновь зевнула Марина. — Ты же мне вчера весь кайф обломал. Сегодня надо наверстать упущенное.

Я не выдержал. Психанул.

— Да катись ты куда хочешь, шлюха грёбаная, — рявкнул, пожалуй, чересчур громко и выбежал из спальни под ехидный Маринкин смешок.

Минут пять стоял в коридоре и просто дышал, глядя в потолок и ощущая, как режет и печёт глаза, будто в них песок насыпали.

Может, развестись?

Нет, как я без Маринки-то? Да, она меня сейчас бесит, но я же её люблю. А она, может, натрахаётся со своим Антошкой, а потом успокоится и сможет меня простить?

От подобной мысли я чуть приободрился.

И правда... Дам ей сейчас волю, пусть делает что хочет. Всё равно ведь я её не уговорю ни на что — вон как она ко мне настроена... Да и я тоже хорош — взял и шлюхой её обозвал, придурок.

Пусть повстречается, узнает в полной мере, что такое «левак». А потом посмотрим.

Вдруг действительно — клин клином вышибают? Хотя так говорят, кажется, о чём-то другом. У меня же эта фраза ассоциировалась сейчас с возможностью для Марины изжить мои грехи за счёт своих.

Глупо, наверное. Но других вариантов у меня всё равно не было.

Марина

Первое время после того, как я узнала правду про Сашку четыре года назад, я убеждала себя в том, что в итоге не развелась с ним только из-за детей. Вике было шесть, она ещё даже в школу не пошла и была очень привязана к папе, потом моя беременность... Две отличные, почти железобетонные причины для того, чтобы плюнуть на всё и остаться с мужем. Миллионы женщин так делают.

На самом деле я врала самой себе, но поняла это далеко не сразу, а когда Даша чуть подросла — до этого я была слишком погружена в беременность, а потом в воспитание грудного ребёнка. Да и Вика пошла в школу, стала более самостоятельной. И Сашка начал активничать — то он жил и не отвечивал, а как только я перестала кормить Дашку грудью в её год, попытался вновь со мной поговорить.

Я плохо помню тот разговор. Но всё, что говорил Сашка, сводилось к тому, что пора заканчивать морозиться и жить как жили раньше — душа в душу.

Ярость вспыхнула во мне мгновенно, как будто муж облил меня бензином, а потом бросил горящую спичку. Я взвилась чуть ли не до потолка и прошипела:

— Как раньше — это значит: ты будешь от меня гулять, а

я буду сидеть дома и не отсвечивать?!

Сашка обиженно надулся. И я отчётливо поняла, что ещё немного — и я убью его, к чёртовой матери.

Меня всегда неимоверно бесил тот факт, что он не понимал своей вины, не признавал её, не заморачивался. Сашка разрушил меня, превратил из нормального спокойного человека в нервнобольную женщину — и не мог понять этого всем сердцем, не способен был даже извиниться по-настоящему.

А теперь требовал, чтобы я «жила как раньше».

— Марин, ну я ведь уже обещал, что никаких больше загулов... — проблеял он, и я, фыркнув, не стала больше слушать и просто ушла.

Обещал он! Я не понимала, почему вообще должна ему верить?!

Именно в тот момент я неожиданно осознала, что не развелась с этим козлом не из-за девчонок, точнее, не только из-за них. Несмотря ни на что, я продолжала любить Сашку. Сквозь боль и горечь, через страдания и неприязнь — но любить.

Противоречивость этих эмоций сводила меня с ума. Возможно, если бы Сашка вёл себя плохо и как-то косячил, маятник моих сомнений окончательно принял бы положение «надо развестись», но муж не косячил. Он старался во всех отношениях, я чувствовала его поддержку постоянно, по любым вопросам. Даже когда я заявила ему в поликлинике, что

к врачам с Дашкой будет ходить он, потому что пап дамы-педиатры больше любят, он не возражал, хотя я точно знала: Сашка боится и крови, и уколов, и врачей терпеть не может, всегда откладывает поход к ним до последнего.

Именно в то время, когда Дашке было около года, я попыталась посещать психолога, но в итоге отказалась от этой затеи. Если для того, чтобы простить гулявшего мужа, надо признать, что в его изменах виновата я, то ну на фиг такого психолога, он лишь добавит мне раздражения. И я решила, что справлюсь сама. Подумала, что мне просто надо проверить Сашку почаще — и со временем, если муж будет чист, мне станет легче.

Увы, но выяснилось, что это так не работает. По крайней мере, для меня.

Чем чаще я проверяла Сашку и чем больше выяснялось, что он сейчас совершенно ничего не скрывает — тем сильнее я сомневалась в собственной адекватности. И не только потому, что нельзя бесконечно сомневаться в близком человеке — это сводит с ума. Мне казалось, что я что-то упускаю. Разве может у Сашки не быть любовницы? Что он, два года — с тех пор, как я забеременела Дашкой, — живёт без секса?

Я не верила, что это возможно, и отчаянно искала доказательства. Даже к частным детективам обращалась — к трём, если быть точной, — но они были единомышленны.

Ничего. Зеро.

Расслабило ли это меня? Нет. Наоборот. Я постоянно со-

мневалась в себе и собственных ощущениях и продолжала бесконечно проверять Сашку. Пока однажды на корпоративе, куда он потащил меня, чтобы я «отвлёклась от детей», не выпила лишнего и не позволила мужу то, чего старательно избегала долгое время. И, глядя на Сашку, который дрожал от нетерпения и раздевал меня с горящими глазами, а потом кончил, толком даже не начав двигаться, — просто оттого, что вошёл в меня, — убедилась: у него, как и у меня, тоже долго не было секса. Такую физическую реакцию не подделать.

После этого мне стало легче. Конечно, меня не отпустило целиком и полностью, но я хотя бы на какое-то время почти перестала следить за мужем. Телефон только проверяла регулярно — и всё.

И делала вид, что меня не волнует ничего, чем занимается Сашка, о чём он думает и чем живёт. Я отчаянно боялась, что, как только выдам себя и покажу ему свою истинную боль, как только он поймёт, что я по-прежнему безумно люблю его одного, — Сашка сразу же расслабится и заведёт себе новую девку.

«Не переживай, Марин! — сказал он мне тогда, четыре года назад, когда я предъявила ему доказательства его измен. — Для меня это никогда не было ничем серьёзным. Всё равно что порой выкурить сигаретку или выпить пива».

Увы, я относилась к той ситуации совсем иначе.

Но он этого, мне кажется, до сих пор так и не понял.

Марина

Как обманутые жёны узнают об изменах? Не знаю, как другие, а я изначально просто заехала к Сашке на работу, чтобы взять кое-какие документы и привезти их его отцу. После того как я вышла из декрета с Викой, я устроилась на прежнее место к Алексею Дмитриевичу и продолжала выполнять работу его помощницы. С Сашкой мы мало виделись — его кабинет был на другом этаже. А Алексей Дмитриевич на той неделе взял отпуск и уехал с Анной Викторовной, Сашкиной мамой, на дачу, и вечером я должна была привезти к ним Вику вместе с этими документами.

Я забрала у Сашки нужные бумаги, положила их в сумку и прежде, чем покинуть офис, заглянула в туалет. Прошла мимо двух женщин, которые стояли возле раковин, зашла в кабинку... и чуть не упала, услышав:

— Да этот Александр Яковлев — кобель ещё тот. Ты чего, Маш, серьёзно думаешь, что он на тебя запал? Ну съездили вы вместе на объект, а потом он тебя трахнул — и?

Я застыла на месте с открытым ртом и вытаращенными глазами.

Между тем разговор продолжался.

— Ну не знаю, — манерно фыркнула вторая собеседница.

— Классно же было, чего бы не продолжить?

— А зачем? Чтобы ты вообразила, что у тебя с ним отношения и требовать что-нибудь начала? Ему это на фиг случилось, как я понимаю. Из тех, с кем я общаюсь, знаю ещё парочку, кто с ним спал — тоже вот так, один раз по-быстрому. При попытке продолжить знакомство он отбрасывает сразу, чтобы иллюзий не было. И вообще ты лучше помалкивай — будешь болтать, вылетишь отсюда очень быстро.

— Вперёд ногами? — насмешливо поинтересовалась незнакомая мне девушка, пока я глотала ртом воздух в попытке продышаться.

— Зачем же? По собственному желанию вылетишь. Я же говорю тебе — ему проблемы не нужны, он женат и разводиться не планирует. Давай, приходи в себя. Забудь об этом эпизоде и сплетничать перестань, если работой дорожишь.

— Ладно, посмотрим...

Собеседницы покинули туалет, и я медленно съехала спиной вниз по дверце, села на пол и закрыла глаза.

Если бы можно было упасть в обморок по собственному желанию, я бы сделала это немедленно. Но, к сожалению, подобное невозможно, и мне приходилось терпеть отвратительность свалившейся на меня реальности.

А может, они всё это специально? Заметили, что в туалет зашла жена Александра Яковлева, и решили ему отомстить за что-нибудь. Меня ведь знают в лицо — не все, но многие. Хотя и не все в курсе, что я замужем за сыном генераль-

ного директора, некоторые думают, что я только помощница Алексея Дмитриевича. Тем более что фамилию после замужества я не меняла, решила остаться Мариной Лариной. Мне нравилось, как это звучит, а Сашке было всё равно.

А вдруг не специально, а действительно?.. Вдруг муж мне изменяет?

Оттого, что я даже допустила подобную мысль, я впала в панику. Никогда ни о чём подобном не думала, всегда была уверена в Сашке как в себе. А тут в одночасье стала сомневаться, и из-за чего — всего лишь подслушав какой-то дурацкий разговор!

А может, здесь работает ещё один Александр Яковлев?

А может, они просто решили пошутить надо мной?

А может, может... может...

Я придумывала оправдания Сашке ещё пару дней, а заодно рылась в его телефоне, нюхала рубашки и листала список расходов в банковских приложениях, но ничего нигде не находила.

В конце концов, устав мучиться от неизвестности, я просто подкинула Сашке в дипломат старые Викины часы с трекером и стала ждать.

Марина

Прежде чем докапываться до правды, стоит хорошенько решить для себя, нужна ли она вообще. Потому что порой эта самая правда оказывается слишком разрушительной, как в моём случае.

Впрочем, я не сомневалась: со временем всё выяснилось бы так или иначе, даже странно, что Сашка этого не понимал. Ведь он заводил интрижки на работе! На работе, где почти постоянно присутствовали не только его отец и брат, но и я. Сашке просто везло, что среди его одноразовых связей не попала какая-нибудь особенно амбициозная девчонка, решившая открыть глаза супруге неверного.

Но любое везение — увы, временно.

И следующие несколько дней после того, как я подкинула Сашке Викины часы, я ничего подозрительного не видела и не слышала. Да, в часах есть микрофон — можно подключиться к нему даже на расстоянии и услышать, что происходит вокруг. Но в первые дни я слышала лишь тишину или деловые разговоры.

А потом...

Она мерзко хихикала. И, нет, это была не та девушка из туалета — у той был совсем другой голос, — да и звали её не

Машей. Сашка, не менее мерзко смеясь ей в унисон, сказал:

— Давай, Оксан, быстренько, а то мне домой пора.

— Нет бы отметить тендер, — вздохнула девушка и вновь хихикнула. — Столько сил потратили, чтобы контакт подписать. Я денно и ночью бдила, чтобы он вам достался.

— Ты молодец, я давно тебе это говорю. Но домой мне всё же надо, как и тебе — на работу.

И тут я поняла, с кем Сашка «общается». Я не видела эту женщину, но помнила, что он упоминал некую «Оксану из администрации», которая несколько раз помогала нашей фирме выхватывать интересные тендеры на строительство под носом у конкурентов. Кажется, она была юристом.

Дальнейшие звуки говорили сами за себя — то же самое можно услышать в любом порнофильме. Охи-вздохи, шлёпанье голых тел друг о друга, стоны. Но слушала я это недолго — только для того, чтобы записать звук. Как ещё сообразила, что стоит сделать, пребывая в полнейшем шоке от всего произошедшего за последнее время? На автопилоте, наверное.

Хорошо, что Вика в тот день была на даче у бабушки с дедушкой...

Вечером, когда Сашка пришёл домой и бодро, с непринуждённой улыбкой поинтересовался, что у нас на ужин, я молча включила эту запись и, наблюдая за тем, как с его лица медленно сползает улыбка, взяла кастрюлю с борщом и вылила его мужу на голову.

К сожалению, к тому времени суп уже остыл, и Сашка ни капли не обжёгся. Но заорал всё равно. Возмущался, говорил, что можно было «решить всё цивилизованно», и я, услышав эту фразочку, завопила в ответ:

— Скажи спасибо, что я тебя ножом в живот не пырнула!

Дальнейшее я вновь плохо помню — сначала мы вопили друг на друга, потом я плакала, а он, весь в капусте, свёкле и разводах на лице, клялся, что ни за что и никогда больше.

— И сколько ты уже голову мне морочишь? — спросила я с горечью и, видя, что он готов отвечать, выпалила: — Только не ври, всё равно правду узнаю!

Сашка тут же смутился, и я сразу поняла — хотел солгать.

— Ну... Я не помню... — Заметил мой свирепый взгляд, выдохнул и вновь попытался уйти от ответа: — Марин, да зачем тебе это? Никто из этих женщин для меня ничего не значил!

— То есть их ещё и много было? — ужаснулась я, и вдруг до меня дошло. — Погоди... Ты что, изменял мне ВСЕГДА?!

По Сашкиному моментально напрягшемуся лицу — ни капли не виноватому, скорее, раздосадованному — я тут же поняла, что угадала правильно.

Что творилось дальше...

Я разгромила всю кухню, перебив напрочь абсолютно всю посуду. Я хваталась то за вилки, то за ножи, бегая за Сашкой и швыряясь в него всем, чем могла. Кое-чем даже попадала,

но особого вреда мужу не причинила, хотя пару шишек на голове и синяк на плече он заработал.

В конце концов я просто отключилась от усталости, при-
сев на секунду на диван, а проснулась спустя пару часов в
нашей с Сашкой спальне, раздетая. И рядом спал муж.

Спал со спокойной, даже невозмутимой физиономией —
как будто ничего не случилось.

Марина

Вспоминая всё это, я шла на свидание к Антону в воскресенье и кривила губы в горькой улыбке.

Да, Сашка меня отпустил — несмотря на то, что это далось ему тяжело, я ясно видела, как его ломало, когда он говорил:

— Ладно, иди. Привет самбисту.

Надо же, я ведь и не рассчитывала. И на самом деле я на тот момент и не договаривалась о встрече с Антоном, просто хотела подразнить Сашку. Как будто ему мало было мучений! Впрочем, нет — мало. За то, что он сотворил с нашей семьёй, ему никогда не будет достаточно.

Много раз я думала: а если бы Сашка чувствовал свою вину? Было бы мне легче его простить? Однозначного ответа на этот вопрос я, разумеется, не знаю, но мне казалось, что да. По крайней мере, я не злилась бы на мужа настолько сильно. Меня больше всего бесил именно тот факт, что Сашка не понимал, по какой причине мне так плохо!

Интересно, сейчас-то он начал хотя бы что-то соображать или до сих пор пребывает в святой уверенности, что не делал ничего особенного?

Мы с Антоном договорились встретиться и посидеть в ка-

фе, хотя он изначально предлагал сразу поехать к нему. Но я почему-то не хотела сейчас заниматься сексом, а вот просто поболтать — пожалуйста.

В этом плане с Антоном было легко с самого начала. Он не заморачивался сам и не заморачивал меня. Хочешь в кафе? Хорошо, идём в кафе. Хочешь в кино? Ладно, пойдём в кино. Нельзя заниматься сексом, потому что операцию недавно сделали? Не вопрос, будем просто пить кофе и болтать.

Вот и сейчас, увидев меня, Антон широко улыбнулся, подмигнул и ехидно поинтересовался:

— Как твой благодетель воспринял вчерашнее падение на задницу? Не слишком трахал тебе мозг из-за меня?

— Нормально, — я пожала плечами и с наслаждением накинулась на свой любимый десерт, который Антон, как и всегда, заказал перед моим приходом. Чизкейки мне безумно нравились, но готовить их сама я не умела, поэтому обычно брала в кафе.

— Удивлён, как он вообще тебя сюда отпустил, — Антон поднял брови, делая глоток кофе из чашки. — Я думал, его от ревности кондратий хватит. Забавно, давно замечал — сильнее всего ревнуют люди, которые сами изменяют.

— Как я? — усмехнулась я иронично.

— Не наговаривай на себя. Ты изменяешь только сейчас, последние пару месяцев. Точнее, последний месяц можно не считать — у нас и не было ничего из-за этой твоей операции. Я думал, вчера наверстаю, но твой муж меня обломал.

— Давай не будем о нём, — вздохнула я и запила чизкейк кофе. Очень молочный и сладкий — может, перебьёт горечь во рту? Хотя вряд ли. Торт же с этим не справился. — Не хочу обсуждать Сашку.

— Как скажешь, Марин, — легко согласился Антон и тут же нашёл другую тему для разговора. За это я его и ценила — с ним можно было общаться о чём угодно, не напрягаясь и не нервничая, но ничего особенного и не ожидая.

После нашего с Антоном первого раза в салоне машины я не видела его пару недель. Ходила на работу, занималась домашними делами, с Сашкой почти не разговаривала — внутри себя я безумно переживала случившееся. Поэтому, когда однажды днём ко мне в кабинет шагнул Антон, беспечно улыбаясь, я в шоке замерла, хлопая глазами.

— У вас тут, говорят, отличный мужской маникюр делают, — сказал он весело. В его глазах плясали чертенята. — Мне как раз нужен. На Новый год. Хочу ногти со снежинками. Сделаешь?

— Т-ты... — от волнения я даже заикаться начала. — Серьёзно?..

— А как хочешь, — Антон пожал плечами. — Вообще я пришёл, чтобы пригласить тебя на свидание. Но если взамен надо сделать маникюр со снежинками — я готов. Даже педикюр готов! Только депиляцию не проси, этого я не переживу. Я прыснула.

А потом, неожиданно для себя самой, согласилась на

встречу.

Марина

Тогда был конец декабря, всё вокруг готовилось к Новому году, но праздничного настроения у меня не было и в помине. Я чувствовала себя клубком ниток, который размотали и расшвыряли в разные стороны — так он и валяется по всей комнате, запутанный и какой-то грязный, несобранный.

Думаю, если бы Антон сказал в тот вечер: «Встретимся завтра», то за ночь я передумала бы с ним видеться. Он меня слишком триггерил, напоминая об ошибках, которых я стыдилась настолько, что не рассказала о случившемся между нами в машине ни одной живой душе. Даже Карине, несмотря на то, что она через пару дней прямо поинтересовалась: было у меня что-нибудь с Антоном или нет? Хвалила его ещё, говорила, что он хороший парень... будто сватала.

Да, если бы у меня была возможность подумать, я бы решила, что ни к чему мне эта встреча. Но Антон не дал мне такой возможности — сразу увёл с работы и потащил в ближайшее кафе.

— Знаешь, почему я выбрал именно это место? — спросил он весело, садясь рядом со мной за столик.

— Не знаю, — я растерянно огляделась. — Здесь вкусно готовят?

— Понятия не имею, как здесь готовят, я тут впервые. Просто, если бы я повёз тебя куда-нибудь подальше, ты бы по дороге передумала и выскочила из машины в ближайший сугроб.

Я рассмеялась.

— Очень похоже на правду.

Та самая первая встреча с Антоном... Она на многое заставила меня взглянуть с другой стороны. И стала решающей для наших дальнейших весьма своеобразных отношений.

В тот вечер Антон не говорил ни о чём важном, не пытался обсудить случившееся две недели назад — просто болтал обо всём подряд, много шутил и флиртовал. И я неожиданно почувствовала, что это всё мне... приятно.

Сколько лет я уже не сидела вот так с мужчиной в кафе, разговаривая о ерунде и кокетничая напропалую? Да миллион. С Сашкой мы последние годы общались только по необходимости — я сама так решила, сама настояла на подобной форме общения. Он периодически пытался что-то изменить, но я не пускала его больше к себе в душу. Ни разу не обсуждала откровенно ни свою боль, ни обиду, ни страхи. Я даже не помнила, когда последний раз улыбалась мужу так, как в тот вечер улыбалась Антону — широко и откровенно, не боясь, что следующей же фразой тебе в эту улыбку плюнут.

Да, мне понравилось. Было мило, душевно и совсем ненапряжно. Я почти забыла, как это бывает, когда собеседника не хочется периодически придушить.

Поэтому, когда Антон в конце встречи предложил встретиться ещё через пару дней, я легко согласилась. Даже не стала спрашивать, зачем ему связываться с замужней женщиной почти на десять лет старше себя, — не хотела слышать ответ и вновь напрягаться.

Антон подарил мне ощущение лёгкости, и я хотела продлить его как можно дольше.

Марина

После первого свидания я продолжала встречаться с Антоном пару раз в неделю, обычно после работы. График у меня плавающий — Сашка иногда даже не замечал, что я куда-то там ходила, считал, что просто на работе немного задержалась. А Сашина мама вообще мой график в голове не держала — она просто каждый день систематически забирала Вику из школы, кормила её обедом, а потом они вместе шли за Дашей в детский сад. Если я была дома, то всё то же самое делала я, но если нет — Анна Викторовна заменяла меня без лишних вопросов.

Я помню, как однажды, уже после Нового года, свекровь сказала мне с улыбкой:

— Ты стала лучше выглядеть, Марин. Прямо помолодела. Я очень рада за тебя.

Естественно, Анна Викторовна думала, что у нас с Сашкой наладилось, но я-то знала, что муж ни при чём, а всё дело в Антоне. В совершенно чужом мужчине, которого я не любила, но который как-то умудрился вытащить меня из отчаяния и уныния. Может, своей лёгкостью и шутливостью — Антон порой напоминал Сашку в прежние годы, — а может, заинтересованностью во мне. Было приятно ощущать

себя привлекательной, чувствовать, что нравишься. Антон каждый раз дарил мне цветы, ухаживал, осторожно брал за руку, прощаясь, целовал в щёку — но пока не позволял себе больше. И я наслаждалась нашими встречами, не задумываясь о последствиях. Точнее...

Да, иногда у меня мелькала подлая мыслишка — я представляла, как отреагировал бы Сашка, узнай он, что я ему неверна. Что он больше не мой единственный за всю жизнь мужчина — есть и другой, моложе и обаятельнее. И теперь не только я делю Сашку с другими женщинами, но и он будет делить меня с другим мужчиной.

Мне действительно иногда хотелось бросить это всё ему в лицо и посмотреть на реакцию. Но я сдерживалась, понимая, что испытываю недостойные эмоции, кроме того, подобный поступок точно ничего не решил бы, а вот запутать ещё больше мог. Хотя куда уж больше?

Примерно через неделю после Нового года Антон, посадив меня в машину в начале встречи, неожиданно предложил, подарив мне небольшой букет белых роз:

— Не хочешь заехать ко мне в гости, Марин?

Он сказал это спокойно и тихо, ненавязчиво, но я вся оцепенела.

— Да не напрягайся ты так, — тут же отреагировал Антон, улыбнувшись. — Я понимаю, что для тебя это сложно, поэтому, если не хочешь, поедem в кафе.

И тут я вдруг поняла, что хочу.

Мысль была настолько острой и болезной, что я решила не давать себе шанса передумать.

— Хорошо, поехали.

Антон повернулся ко мне лицом и аккуратно взял за руку, сжав прохладные пальцы.

— Ты уверена? Первый раз-то можно было списать на алкоголь и помутнение мозга, но сейчас ты трезвая. Потом начнёшь заморачиваться, жалеть, совеститься. Я этого не хочу.

— А чего ты хочешь? — поинтересовалась я, поняв, что сейчас смогу услышать ответ. — Зачем ты вообще со мной связался, Антош? Мог бы найти себе помоложе и без заморочек.

— Да я сам с заморочками, — засмеялся он и пожал плечами. — Почему ты думаешь, что я без заморочек? Только потому, что я кажусь таким? Увы, Марин, у меня тоже навалом тараканов.

— Это каких же? — насторожилась я и предположила: — У тебя куча любовниц, и всем глубоко за тридцать?

Антон фыркнул.

— Ага, за пятьдесят. И имя им — легион. Нет, Марин, я, в отличие от твоего мужа, никогда не встречался с несколькими девушками одновременно. Но ты мне вряд ли поверишь, я понимаю.

— Почему не поверю?

— Потому что ты теперь недоверчивая, — ответил Антон с грустной усмешкой и тут же сменил тему: — Ну, так что,

не передумала ехать?

— Не передумала. — Я покачала головой.

Хватит уже терзаться, Сашке ничего не мешало семь лет от меня гулять, он не смущался и не думал, и до сих пор не понимает, до какой степени новости о его изменах меня разрушили. Значит, и мне не нужно мучиться самой и мучить Антона.

Хочется — возьму.

По-видимому, Сашка тоже когда-то рассуждал именно так.

Теперь пришла моя очередь.

Марина

С тех пор наши отношения с Антоном изменились, но не сильно — да, они приобрели дополнительную опцию в виде постели, но в остальном всё осталось по-прежнему. В целом то, что происходило между нами, напоминало мне обычную дружбу с функцией «секс» в комплекте. Мы активно общались, встречались далеко не только для того, чтобы потрахаться, и легко расставались. Я чувствовала, что Антон хорошо относится ко мне — так же, как и я к нему, — но это всё же была не любовь, а обычная человеческая симпатия, приправленная желанием. Но приправленная, кстати, хорошо — вместе нам было классно. Хотя Антон оказался прав, и первое время я действительно терзалась из-за случившегося. Всё же я не Сашка, совесть при необходимости отключать не умею. Поэтому, да, я помучилась. Но тем не менее Антон с его трепетным отношением ко мне перевесил, заставил сомнения сжаться в комок, отсохнуть и со временем отвалиться.

Я вновь чувствовала себя сексуальной и желанной, и это чувство пьянило не хуже вина. Сашка, разумеется, замечал, что я изменилась, расцвела, похорошела, — а сам, наоборот, начал мрачнеть и суроветь, огрызался по любому поводу. В

результате мне совсем не хотелось его видеть, и я использовала каждый предлог, чтобы не проводить время вместе. Увозила девчонок из дома, уезжала сама, до последнего принимала душ, чтобы Сашка успел уснуть, — в общем, делала всё, чтобы как можно меньше контактировать с мужем.

В начале февраля я на сутки легла в больницу, чтобы удалить полип, а когда вернулась, оказалась приятно удивлена тем, что Антон не отказывался от встреч, которые временно не должны были включать в себя секс, по крайней мере, традиционный. В остальном я ему, конечно, тоже не отказывалась... Но всё-таки это не совсем то же самое.

По-видимому, я с каждым днём всё сильнее расслаблялась, и Сашка заподозрил совсем уж неладное, раз решился в итоге на слежку. Обломал нам хороший вечер — мы-то рассчитывали после кафе поехать к Антону домой, отпраздновать месяц после моей операции. Но, вопреки логике, я не почувствовала из-за этого разочарования... так же, как и не ощутила радости оттого, что сбылась моя тайная недостойная мечта и муж теперь окончательно в курсе собственной рогатости.

Вместо всего этого внутри меня словно разверзлась пустота. Отправляясь на воскресную встречу с Антоном, я надеялась заполнить её хотя бы частично, но не вышло. Да, мне было легко и приятно, как и всегда в его обществе, но душу эта встреча не затронула, не заставила успокоиться и перестать дёргаться из-за мужа.

Антон, конечно, заметил моё состояние. И прежде, чем выпустить из машины возле подъезда моего дома, сказал, взяв за руку:

— Хочешь, честно признаюсь, что я обо всём этом думаю?

— Не хочу, — ответила я откровенно, и он засмеялся.

— Ладно, тогда не буду.

Поцеловал в щёку и отпустил.

Уже дома, уложив девчонок, я заглянула на кухню, полюбовалась на грустного Сашку, который уныло ковырял в тарелке макароны по-флотски, и всё-таки написала Антону в мессенджер:

«И что ты обо всём этом думаешь?»

Он ответил почти сразу:

«Тебе нужно определиться, чего ты хочешь. Тебя так колбасит, потому что ты не можешь этого понять, Марин. Если хочешь развестись — разводишься. Хочешь жить, как вы живёте сейчас — у тебя отношения, у него тоже, — живи. Хочешь помириться — мирись. Определись, и сразу успокоишься».

Антон был прав, я и сама это понимала. Но каждый из перечисленных вариантов таил в себе столько боли, что я предпочитала игру в маятник. Только так можно ничего не делать, а просто жить дальше.

Хотя кое-чего Антон не учёл в своих рассуждениях.

«Хочешь жить, как вы живёте сейчас — у тебя отношения, у него тоже...»

Я не говорила ему о том, что у Сашки давно нет ни с кем

отношений. Мы вообще мало обсуждали мой брак — Антон, по-видимому, сделал выводы из того, что я шептала в тот раз, когда была пьяная.

И тот факт, что у Сашки, в отличие от меня, сейчас никого не было, всё-таки был для меня важен.

Будь всё по-другому, мне было бы гораздо проще принять решение.

Сашика

Когда твоя жена уходит на свидание к другому мужику, а ты при этом сидишь дома и ни хрена не делаешь — как это называется? Я не мастер подбирать слова, да и, по-моему, здесь можно было использовать только мат, и больше ничего.

Не знать, оказывается, легче. Если не знаешь, то думаешь — может, и нет ни фига, а на самом деле Маринка в магазине задержалась. Сейчас же я всё знал, да и видел по программе-следилке, что моя жена сидит в кафе. Час сидит, два сидит... На третий, когда она вышла из кафе и куда-то поехала, я почувствовал, что ещё немного — и я сойду с ума.

Я, наверное, за эти часы стёр себе все зубы. И на ладонях наверняка следы от ногтей. Да что там — я даже курить на балкон бегал раза три, вызывая недоумение у Вики.

— Папочка, что с тобой? — спросила она с удивлением, когда я в очередной раз убежал туда, оставив их с Дашей в комнате вдвоём. — Ты какой-то странный.

Будешь тут странным! Добровольно отдал жену другому мужику. Кто я — куколд? Или просто дебил?

— Всё в порядке, Вик, не волнуйся. У меня голова болит, — соврал я и вымученно улыбнулся, ощущая, как нервно дёргается глаз. Дожил! Уже тик начался с этими Маринки-

ными поблядушками.

— Не надо курить, — наставительно произнесла дочь, поджав пухлые губы. — Бабушка говорит, что всё зло — от курения. И ругается, что дедушка до сих пор курит у тебя в машине.

Я аж закашлялся. Мама, получается, знает, что отец тайком от неё балуется?..

И молчит же! Вот она, сила любви.

Может, мне тоже молчать? Сейчас Маринка придёт — если она, конечно, домой едет, а не на продолжение увлекательного вечера, — и не говорить ей ничего, не упрекать, не задавать вопросов... Молчать — и всё?

Блядь, кошмар какой-то.

Ожидая жену, я даже ромашковый чай себе заварил — у Маринки упаковка завалилась со времён беременности. Больше ничего успокоительного в доме не было, а очень зря! Мне сейчас не повредило бы что-нибудь убойное. Такое, чтобы выпил — и сразу стало хорошо и на всё пофиг.

Сидел за столом, наблюдая за резвящимися девчонками — Вика и Даша вместе собирали замок, — цедил мерзкую жижу, от души сдобренную мёдом, чтобы не была настолько мерзкой, и думал о том, как я докатился до жизни такой.

Представляю, как по этой ситуации проехался бы Виктор — асфальтирующим катком бы прошёлся, раскрошив мне все кости в труху. Но, может, я вполне заслужил нечто подобное?

С детства же знаю простую истину — надо относиться к другим людям так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе. А я не принимал во внимание тот факт, что для Марины ничего не значащие для меня интрижки будут значить очень многое. И никогда не переворачивал эту ситуацию, не смотрел на неё с другой стороны, не пытался представить, что будет, если Марина станет вести себя точно так же? Будет ли это мне не больно и нормально, как я хотел, чтобы было ей, или всё-таки нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.